

Военные приключения

ВОЙНА "НЕВИДИМОК"

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

НИК. ШПАНОВ

Николай Николаевич Шпанов
Война «невидимок».
Последняя схватка
Серия «Военные приключения»
Серия «Война «невидимок»», книга 3

Текст предоставлен издательством
Война «невидимок»: Последняя схватка : роман / Ник. Шпанов.: Вече;
Москва; 2009
ISBN 978-5-9533-4399-2

Аннотация

И вновь на пути фашистского капитана Витемы-Вольфа и его коварных соратников встают ученики профессора Бураго советские офицеры Павел Житков и Александр Найденов. Их беспощадная схватка не на жизнь, а на смерть вступает в завершающую стадию. Да и может ли быть по-иному, ведь открытие старого ученого может внести перелом в развитие военных действий...

Знаменитый роман автора многих советских бестселлеров, которыми полвека назад зачитывалась вся страна.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Последний корсар	8
Гибель «Консула Серенсена»	8
Мейнеш получает награду	14
Пленные проявляют покорность	23
Нордаль клянется повесить Витему	32
Команда вешает капитана	41
Отвратительный характер повешенных	48
Последний рейд «Черного орла»	52
Глава вторая. Похищенный жених	63
Коммодор Фитцжералд не берет пленных	63
Похищенный жених	73
Сюрпризы мистера Кадогана	80
О раздвоении личности	84
Пансион «Вебер»	90
Важная миссия	96
Глава третья. В ловушке	103
Пастор Зуденшельд отправляется в путь	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ник. Шпанов

Война «невидимок».

Последняя схватка

©ООО «Издательский дом «Вече», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

«Великая штука – дружба. Пуще зеницы ока берегите ее. Вяжите ее канатом», – сказал Саньке Найденову и Пашке Житкову старший лейтенант Кукель в тот черный день, когда перестал существовать Черноморский флот Советской республики. И мальчишки накрепко запомнили эти слова. Запали в их память и обещание мужественного офицера, что возродится воинская мощь Отечества, и собственные клятвы: верно служить Родине. Александр стал летчиком, Павел – моряком-подводником. А еще друзей увлекла наука: Житков занялся созданием покрытий, способных сделать невидимыми для врага корабли, подводные лодки, самолеты, а Найденов, считавший, что на всякий яд должно найтись противоядие, разрабатывал «ухо», которое при любых обстоятельствах услышит невидимого противника. Потом было невероятное открытие профессора Бураго, его неожиданное исчезновение, которое, как оказалось в итоге, было организовано разведкой фашистской Германии, трагическая смерть старого ученого и – его труп, уходящий на дно океана... А ведь Валя – дочь профессора, ставшая женой Александра Найденова, так верила в то, что отец жив! И странные слова, произнесенные Павлом Житковым: «Может быть, я схожу с ума, но чем дальше, тем больше мне кажется, что это – не Бураго». Действительно – сумасшествие... Павел

конечно же хорошо знал своего учителя, но и Найденов не мог спутать тестя с другим человеком. Но почему Бураго не узнал его, когда они вдвоем оказались на борту «Одды», почему начал стрелять в Найденова? Ведь все могло сложиться иначе... Хотя, едва ли, – у гитлеровского капитана Витемы-Вольфа железная хватка. Как и у его коллег-фашистов. Стоило молодым ученым выехать в командировку в Европу, и немцы устроили на них настоящую охоту. Сначала Витема сумел захватить Житкова, но Павел ушел от врага. Их схватка продолжилась на острове Туманов, куда под видом пастора Сольнеса-Зуденшельда проник Александр Найденов. Поначалу друзьям удалось спутать карты Витеме – норвежские патриоты и десант союзников, казалось бы, уже выбили фашистов с этого стратегически важного клочка скалистой земли, но сдаваться гитлеровцы не собирались. Если бы не страшное открытие Фалька – «белая смерть», убивающая всех, не получивших от нее прививки, – фашисты уничтожили бы всех героев Сопротивления... Но и так жертв принесено немало: погиб рискнувший выйти в море старый Адмирал Глан, неизвестно, что произошло с его дочерью Элли. Житкова отчаянная девчонка от неминуемой смерти спасла, но сама уберечься от вражеской пули не смогла... И вот теперь Житков и Найденов оказались в руках Витемы, на борту его «Марты Третьей», замаскированной под мирную шхуну «Черный орел». Фашист не теряет надежды склонить молодых ученых к предательству Родины, к сотрудничеству

с гитлеровцами... И Витема не один – рядом с капитаном преданный ему экипаж и главный мерзавец – боцман Юстус Мейнеш. А Житкову с Найденовым неоткуда ждать помощи – друзья далеко. Да и живы ли они: мужественный Нордаль Йенсен, мудрый доцент Фальк?..

Глава первая. Последний корсар

Гибель «Консула Серенсена»

Тем же штормом, который изрядно потрепал «Одду», маленький «Консул Серенсен» был снесен далеко на восток с курса, которого он держался, – к берегам Исландии, – откуда намеревался добраться до Англии.

Нордаль и Фальк сидели в тесном салончике «Консула Серенсена». Фальк то и дело нервно вскакивал со шкиперской койки, служившей одновременно и диваном, и пытался пройти по каютке. Но всякий раз, сделав каких-нибудь два шага, он натыкался на чугунный камелек. Около камелька было нестерпимо жарко, но стоило отойти от него, как холодный ветер, врывающийся в распахнутый над головою кап, пронизывал до костей. Закрыть кап было невозможно. Удушливый чад, выбиваемый ветром из топки, выедал глаза.

– И все же я не уверен в том, что нам нужно идти в Англию, – покачивая головой, сказал Нордаль. – Исландия – более подходящее место. Соберем силы и вернемся на родину для борьбы с врагами.

Фальк пожал плечами.

– Подчиняюсь вашему решению, Йенсен. Теперь я только ваш солдат. Но на вашем месте я все-таки пошел бы в Ан-

глию. Там мы получим помощь. И сердце подсказывает мне: именно там мы найдем нашего пастора. А, говоря откровенно, мне бы очень хотелось снова увидеть его.

— Да, этот человек способен организовать силы для новой борьбы, — согласился Нордаль. — Но сомневаюсь, что ему удалось выбраться с острова.

— От «белой смерти» он был гарантирован моей прививкой.

— Гунны хуже всякой «белой смерти», милый Фальк...

Нордаль не договорил. Сверху послышался громкий крик:

— Человек за бортом!

Нордаль бросился на палубу. Громыхая протезом, взобрался по крутому трапу и Фальк.

Весь экипаж и невольные пассажиры «Консула Серенсена» прильнули к поручням, пытаясь отыскать в волнах человека, которого заметил часовой из «вороньего гнезда». Наконец Нордаль различил бревно, то появлявшееся на гребнях волн, то снова исчезающее.

К бревну был привязан человек. Он лежал без движения и, судя по всему, был мертв.

Тотчас маленькая шлюпка «Консула» была на воде, и гребцы налегли на весла.

Через несколько минут спасенный лежал на палубе «Консула». Он был жив, дыхание едва заметно вздымало его обнаженную грудь. Но не прояви он и никаких признаков жизни, все равно все присутствующие бросились бы откачивать

его и растирать, потому что перед ними лежал не кто иной, как хорошо всем известный старый рыбак Глан по прозвищу Адмирал!

Немало времени прошло, пока Адмирал очнулся и рассказал о том, как он, пытаясь прорваться сквозь немецкое охранение с письмом пастора, был пойман гитлеровским сторожевым судном и доставлен на «Марту»; как Витема тщетно пытался добиться от него правды о причине его появления в море; как, наконец, удалось бежать с «Марты». Глан не знал цели плавания «Марты» и мог только сказать, что она крейсирует в тех же примерно водах, где находится сейчас и «Консул Серенсен». Глан не мог сказать, не изменил ли Витема еще раз наименование своего судна, но в тот день, когда рыбак бежал с него, оно называлось «Черный орел».

– На паруснике немца есть пленные. – Глан оглядел слушателей, и, несмотря на усталость, в его глазах блеснул радостный огонек. – Я узнал пастора Сольнеса.

Фальк схватил и потряс руку Йенсена.

– Слышите, Нордаль? Он жив! Наш пастор! Ура!

– Может быть, ему было бы лучше умереть, чем снова оказаться в лапах гунна.

– Не говорите глупостей, Нордаль. Он жив – это главное. Остальное зависит больше от нас, чем от него самого.

– Не понимаю?

– Найдем «Орла» и отобьем пастора! Мы должны спасти

его, – с жаром говорил старый ученый.

Нордаль не мог удержаться от смеха. Смеялись и моряки.

– Вы слишком просто представляете себе дело: найти в море судно, силой отбить пастора... Вы не понимаете того, что говорите, Фальк!

Но Фальк не сдавался:

– Спросим моряков, считают ли они возможным найти «Орла»?

Голосом, который едва удавалось расслышать, Адмирал сказал:

– Таковую акулу, как этот гунн, голыми руками не возьмешь. Но, видит бог, ежели уж вы решили идти на драку, то старый Адмирал первым полезет на борт немецкой лоханки.

– Эх, Ивар, старина, – перебил его Лунд, владелец и шкипер «Консула Серенсена». – Главное дело – сойтись с ним борт к борту, чтобы не страшны были его пушки. А там с помощью Бога и святого Олафа...

Глан, внимательно слушавший шкипера, перебил:

– А найти его можно... Подадим сигнал бедствия: «Потеряли управление» или что-нибудь в этом роде. Жадность толкнет его на приманку. Он сам найдет нас.

И никто не понял: на чьей же стороне Глан – легкомысленного Фалька, так просто представляющего себе нападение на «Черного орла», или опытных моряков, справедливо считавших предприятие неосуществимым.

Крепкий норд-ост гнал «Консула Серенсена» ходом не

меньше двенадцати узлов. Прежде чем бледное солнце коснулось горизонта, часовой в «вороньем гнезде» оповестил, что видит судно в направлении запад-запад-юг. Шкипер Лунд сам полез на марс и долго разглядывал замеченное судно.

– Убей меня бог, ежели это не чертов «Орел»! – крикнул он.

«Консул Серенсен» лег на правый галс, уходя с курса «Черного орла». На «Орле» не сразу заметили бот. Лишь когда на горизонте остались только мачты пирата, радиорубка «Консула» приняла приказ «остановиться». Лунд для вида сбросил кливер и приспустил фок и грот. Ход «Консула» уменьшился до четырех узлов. Через час стал снова виден силуэт «Черного орла». Но сумерки уже настолько сгустились, что гитлеровцы и сами, видимо, поняли: открывать по боту огонь – попусту тратить снаряды. К тому же начался снегопад. Непроницаемая пелена скрыла «Черного орла». Лунд пустил мотор, чтобы поскорее уйти с курса врага.

Фальк с сожалением еще раз взгляделся во тьму. Глан, сердито сплюнув за борт, навстречу несущемуся мокрому снегу, взялся за ручку двери.

Никто не понял, что произошло в тот момент, когда Адмирал распахнул дверь рубки. Удар потряс «Консула Серенсена» от киля до клотиков. Сотрясение было так сильно, что фок сломался, как хворостинка. Треск ломающегося дерева, лязг железа, испуганные крики людей – все смешалось в

единый хаос звуков, покрытый пронзительным воем ревуна, раздавшимся откуда-то сверху.

Люди, еще минуту назад сетовавшие, что судьба лишила их возможности сойтись с пиратом, и не подозревали, что этот зловещий вой раздавался с палубы «Марты» – «Черного орла». Завывание сирены показалось им голосом преисподней, открывшейся в сумраке ночи, чтобы поглотить расколотого надвое «Консула Серенсена».

Мейнеш получает награду

Для экипажа «Черного орла» столкновение с «Консулом» было столь же неожиданным, как и для норвежцев. Не будь сами патриоты застигнуты событием врасплох, они, пожалуй, смогли бы овладеть палубой «Марты», а может быть, и всем кораблем. Гитлеровцы выскакивали на палубу полуодетые, без оружия, помышляя лишь о том, чтобы добраться до спасательных шлюпок.

Одними из немногих на «Черном орле», не потерявшими рассудка, были оба русских пленника, Витема и боцман Мейнеш. Впрочем, что касается Витемы, то он появился на мостике в пальто, накинутом прямо поверх теплой пижамы, — костюм для него совершенно необычайный, который он поспешил сменить, как только убедился, что никакого несчастья с «Черным орлом» не произошло. Никто, кроме Мейнеша, и не заметил этого признака растерянности капитана.

Вдребезги разбившись о стальной нос «Черного орла» маленький «Консул Серенсен» не нанес ему приметных повреждений.

На «Черном орле» спускали шлюпки, вытаскивали из воды тонущих норвежцев. Норвежцы держались мужественно, помогая друг другу, и все вместе искали своего предводителя. Нордаль Йенсен поддерживал на воде Фалька, пытавше-

гося отстегнуть тянувший его ко дну протез.

Ни Житков, ни Найденов не имели представления о том, что за корабль столкнулся с «Мартой», пока из-за борта «Черного орла» не показалась худая физиономия бактериолога. Следом за ним, отряхиваясь, как медведь, на палубу вылез могучий Йенсен. Он сейчас же заметил и понял знак Найденова, которого по-прежнему принимал за пастора. Приложенный к губам палец означал: «Молчание! Мы незнакомы». Найденов справедливо рассчитывал, что Витема не знает никого из норвежцев, кроме Фалька. Опасность спасенным могла грозить только со стороны Мейнеша. Боцман стоял поодаль от своего капитана, созерцая появление невольных гостей. Житков следил за его взглядом, когда из-за борта подняли старого Глана – Адмирала. У старика была рассечена голова; кровь заливала ему лицо. Он казался лишившимся чувств. Но едва его опустили на палубу, как веки Адмирала поднялись, он огляделся и уставился за борт, где, медленно вращаясь, погружалась под воду кормовая часть «Консула Серенсена».

Глан быстро оглядел окружающих, сердито сказал что-то Мейнешу. Тот едва заметно кивнул. И тогда одним могучим движением Глан перекинул свое тяжелое тело через релинг. В следующее мгновение Житков увидел его плывущим к останкам «Консула». Движения старика были так сильны, что им мог бы позавидовать любой молодой пловец.

– Он с ума сошел! – невольно вырвалось у Житкова. –

Остатки бота утащат его под воду!

Не глядя на Житкова, Мейнеш пробормотал себе под нос:
– Там осталась его дочка... его Элли.

Широким, легким движением гимнаста Житков вскочил на поручни. Секунда – и холодная вода перехватила ему дыхание. Он плыл вдогонку Адмиралу. Вместе взобрались они на кормовую часть «Консула», стоявшую на воде, как половинка расколотой яичной скорлупы.

Помещавшаяся в корме машина была слишком тяжела, чтобы дерево корпуса могло удержать корму на плаву. Вода быстро заполняла разрезанную пополам крошечную кают-компанию, с журчанием вливалась в каюту шкипера. Клубы пара вырвались оттуда, когда волны коснулись раскаленного камелька. Удар волны вышиб дверь в последнюю, оставшуюся не залитой, каюту, и Житков увидел Элли. Девушка сидела на койке, подобрав ноги. В ее широко раскрытых глазах не было испуга – только удивление: как же это вышло, что она, никогда не боявшаяся моря и глядевшая на него, как на нечто близкое и родное, была застигнута им врасплох, оказалась вдруг беспомощной?.. Но стоило ей сквозь распахнувшуюся под ударами волны дверь увидеть плывущих к ней отца и Житкова, как глаза ее засверкали радостью. Девушка спокойно скользнула в шипящую воду, словно это был простой бассейн для плавания.

Через несколько минут Житков, поддерживая рукой Элли, взбирался по шторм-трапу на палубу «Черного орла». У

старого Глана уже не было сил влезть самому. Мейнеш бросил ему сверху конец. Адмирал обвязал себя под мышками, и матросы подняли его...

Когда в числе других Глан появился в ярком свете электрической лампы, Витема бросил на него взгляд, такой же холодный и безразличный, каким встречал остальных норвежцев. Не оборачиваясь, он спросил Мейнеша:

– Где я видел этого старика?

Мейнеш молчал. Можно было подумать, что он не узнает своего старого приятеля.

Витема медленно повернулся к боцману, и лишь тогда тот что-то тихо пробормотал.

– Этого – отдельно, – приказал Витема матросам, окружившим пленных.

Ряды столпившихся под мостиком норвежцев дрогнули. Они разгадали опасность, грозящую старому патриоту. Витема, по-видимому, заметил это легкое движение. Он выжидательно поглядел на пленников, потом снова на Глана, и громко, так, чтобы слышали все, спросил Мейнеша:

– Это тот самый разбойник, что убежал от нас?

– Да, капитан, – проворчал боцман.

– Не кажется ли тебе, что он заслуживает веревки?

– Да, капитан... Как только он выздоровеет, мы его повесим, – с безразличием автомата проговорил Мейнеш.

– Он болен?

– Он ранен, капитан.

Витема обвел взглядом столпившихся под мостиком норвежцев.

– Из-за вашего неумения управлять судном я потерял шесть матросов, – сказал он не очень громко, но так отчетливо и жестко, что каждое его слово падало на притихших моряков, как камень. – Шестерых я оставляю у себя. Остальных – за борт. Кто предпочитает палубу «Черного орла» морю – шаг вперед!

Строй норвежцев остался неподвижным. Витема снова оглядел сосредоточенные лица пленников.

– Эй вы! – Его голос, как стальной полосой, хлестнул тишину палубы. – Предпочитаете идти на корм рыбам?

Молчание было достаточно красноречивым ответом.

– Мейнеш!

– Да, капитан.

– Отбери нужных тебе людей. Через три часа все кроме шестерых должны быть за бортом.

– Да, капитан.

– А чтобы эти балбесы не думали, что я шучу, мы им сейчас покажем, как это делается... Дежурный взвод, в ружье!

Матросы разобрали винтовки. Вооруженный взвод построился. Витема приказал:

– Мейнеш!

– Да, капитан.

– Вон тот и тот, – Витема ткнул сигарой в сторону первых попавшихся норвежцев, – шаг вперед!

Норвежцы вышли из круга.

– Боцман, прикажи принести мешки с углем.

– Да, капитан.

Мейнеш пошел выполнять приказание.

Когда мешки с углем лежали на палубе, Витема сказал:

– Связать им руки! – Двое матросов выполнили его приказание. – Так. Теперь привяжите каждого одной ногой к мешку.

Норвежцы испуганно отпрянули, но в их спины уперлись штыки караула. Матросы накинули на ноги пленников веревки.

Среди норвежцев раздались крики возмущения. Они пытались прорвать оцепление. В освещенный круг ворвался Житков.

– Я не позволю! – крикнул он, бросаясь к матросам, связывавшим норвежцев.

– Мейнеш! – Больше Витема ничего не сказал, но боцман был уже рядом с Житковым и сгреб его в объятия.

– За борт их! – крикнул Витема. – Направьте свет так, чтобы всем было видно.

Норвежцы бросились на помощь товарищам. Их встретил град ударов прикладами. Грянул выстрел, другой, третий. Немцы подняли двух привязанных к мешкам пленников и перебросили через борт. Вопль ужаса вырвался из группы норвежцев. Один из них прыгнул на помощь тонувшим. Но выстрел из винтовки помешал ему подплыть к ним, и третье

тело исчезло в волнах, озаряемых ярким светом прожектора.

Мертвая тишина наступила на палубе «Черного орла». Витема повернулся и медленно пошел к рубке. Мейнеш приступил к распределению норвежцев по кубрикам. Их гнали штыками, ударами прикладов.

Старый Глан исподлобья наблюдал за боцманом. Адмирал был последним, к кому подошел Мейнеш. Боцман сел около него на корточки и достал трубку.

– Можете погасить свет, – крикнул он матросам.

Яркий свет, заливавший шканцы, погас. Через несколько минут на палубе воцарилась тишина. Над головами двух стариков, молча сидевших рядом в темноте, поскрипывал таке-лаж.

– Ну что же, Ивар? – проговорил боцман. – Вот мы и встретились.

– Поди-ка ты к дьяволу, старый пес! – пробормотал Глан. – Уйди, или я придушу тебя...

– Перестань упрямиться, Ивар. Говорю тебе как друг: по-советуй молодежи работать. Нам нужны люди...

– У тебя язык без костей, – ответил Глан. – А мой не поворачивается для таких предложений...

– Ну, вот что я скажу тебе в последний раз... – начал было Мейнеш, но в этот момент распахнулась дверь рубки и Витема негромко позвал:

– Эй, Мейнеш!

– Да, капитан! – откликнулся Мейнеш и, шаркая тяжелы-

ми сапогами, пошел к мостику.

Глан слышал, как стучали его каблуки о медную оковку трапа. В светлом квадрате двери еще некоторое время вырисовывалась худая фигура Витемы. Когда Мейнеш поднялся к нему, капитан притворил дверь. Он сказал так тихо, что никто, кроме Мейнеша, не мог его слышать:

– Где эта старая треска – Глан?

– На палубе, сударь, – понижая голос, в тон Витеме, ответил Мейнеш. – Я думаю, куда его поместить, чтобы вам удобно было заниматься его лечением...

Витема рассмеялся. Он приблизил губы к самому уху боцмана и что-то прошептал. Потом немного громче закончил:

– Смотри же, чтобы ни один норвежец не пронюхал об этом... Лучше всего сделай это без помощи матросов. У тебя еще хватит силы справиться с раненым?

Мейнеш только крикнул. Рука Витемы легла на его плечо.

– Возьмешь пару колосников и конец покрепче. Пятнадцать минут на то, чтобы этой старой падали не было на «Марте». Понял?

– Да, капитан.

Голос Мейнеша звучал еще более хрипло, чем обычно.

– Скажешь моему буфетчику, чтобы выдал тебе бутылку коньяку.

– Предпочитаю голландский джин, капитан.

– Я всегда завидовал твоим нервам. Ну, иди...

Мелькнул освещенный квадрат отворенной двери, и Ви-

тема скрылся в рубке. Мейнеш не спеша спустился на палубу.

Сначала он было направился к неподвижно сидящему Глану, но потом повернул в другую сторону. Долго возился у ящика с такелажным имуществом. Звонко прозвучал удар топора, обрубаящего трос. Мейнеш мурлыкал что-то себе под нос.

...Ровно через пятнадцать минут послышался осторожный стук в дверь капитанской каюты.

Витема оторвался от книги.

– Да!..

В каюту на цыпочках вошел Мейнеш и вытянулся у двери. Витема вопросительно поглядел на него. По-видимому, взгляд боцмана сказал ему больше, чем могли бы сказать слова. Витема подошел к столику около койки и, налив из стоящей там бутылки стакан коньяку, протянул Мейнешу. Тот крикнул и медленно выцедил золотистую жидкость.

Пленные проявляют покорность

Вечером, когда Найденов уже лежал в койке, караульный матрос втолкнул к нему в каюту Йенсена.

– Здесь ты и будешь помещаться, – сказал матрос.

Даже тут, снова увидев друг друга, ни Найденов, ни Йенсен не подали вида, что знакомы.

– Кто разрешил поместить его ко мне? – сердито спросил Найденов.

– Боцман Мейнеш, – последовал ответ матроса.

И лишь когда корабль погрузился в сон, Найденов и Йенсен шепотом рассказали друг другу обо всем, что произошло с ними со времени расставания.

– ...И вот, – закончил свой рассказ Нордаль, – случилось худшее: нам предстоит путешествие в Германию. Я не верю тому, что нас выкинут за борт!

Найденов покачал головой.

– Вы плохо знаете Витему. Жизнь обеспечена лишь тем, кто согласится работать в его команде.

– Никто не согласится покупать жизнь ценой позора!

– Вы чертовски легко примиряетесь с наиболее простыми вариантами, – рассердился Найденов.

В голосе Нордаля послышалась усталость:

– Что касается меня, то я не вижу отсюда другого пути, как только... за борт вниз головой.

– На крайний случай и это было бы выходом. Но не раньше, чем испробуем кое-что иное. Пока нас тут было двое, сила была на их стороне. Теперь нас много. Неужели же мы подчинимся воле разбойников? Если шестеро из нас войдут в их ряды, это равносильно тому, что у них выбыло двенадцать.

– Пожалуй, справедливо, – встрепенулся Йенсен. – А что, если среди нас найдется не шесть, а двенадцать «предателей».

– Вот! Наконец-то вы поняли меня! Важно тянуть время. Чем больше времени будет в нашем распоряжении, тем лучше мы подготовимся. Пример «предательства» покажете вы...

Шаркающие шаги послышались за дверью. Замерли у каюты. Найденов и Нордаль настороженно смолкли. Вошел Мейнеш. Испытующе поглядел на одного, на другого. Не спеша достал трубку и старательно набил. Найденову показалось, что Мейнеш хочет что-то сказать. Но боцман раскурил трубку, прижал загоревшийся табак заскорузлым черным пальцем и, удовлетворенно хмыкнув себе под нос, вышел. Его шаги замерли в конце коридора.

– Вот кого нужно убрать, если мы хотим добиться успеха, – проговорил Йенсен.

Житкову, помещавшемуся в корме – вдали от Найденова, не спалось. Не давала покоя мысль об Элли. Ворочаясь с боку на бок, он тихо переговаривался с Фальком, лежавшим на диване, слишком коротком для его большого роста. Впрочем, только одна нога доцента свешивалась за валик. Его протез утонул, и Фальк с трудом передвигался при помощи палки, неловко подпрыгивая на единственной ноге.

– Хотелось бы мне пожалть руку пастору Сольнесу! – сказал Фальк.

– Мои мысли теперь только на том и сосредоточены, как бы установить с ним связь, – согласился Житков. – У нас есть кое-какие общие счета с Витемой. Но пока нас тут было двое против его головорезов, не о чем было и сговариваться. А сейчас обстоятельства переменялись. Силы уже не так неравны.

– Можно подумать о бегстве?

– Может быть, и так. Но это значило бы оставить в живых Витему, а это слишком опасный враг, чтобы позволить ему и дальше творить черные дела. Он должен быть уничтожен или, по крайней мере, обезврежен.

– Мне нравится то, что вы говорите, – оживился Фальк. – Такая игра стоит свеч! – Его взгляд блеснул гневом. – Мы разочтемся с ним!..

Житков приложил палец к губам. Ему послышались в коридоре шаркающие шаги. Они замерли у самой каюты. После нескольких мгновений настороженной тишины дверь распахнулась. Мейнеш стоял подбоченившись, глядя на них из-под нависших седых бровей. За его широкой спиной кто-то скрывался.

– Ну-с... – Боцман вынул изо рта трубку и пустил в каюту густой клуб дыма. – Живете тут, как пассажиры первого класса. У каждого по койке, казенный харч. Да все это еще бесплатно, хо-хо! – Он шагнул к Житкову. – Ну-ка, поднимайтесь, господин хороший. Придется потесниться для нового жильца. – И с этими словами он втянул в каюту испуганную Элли. Одна рука у нее была на перевязи. Лицо покрывала бледность. – Вот эта особа будет жить у вас, пока ее не смайнают за борт вместе с другими или пока наш кэп не найдет ей лучшего применения. – Мейнеш сделал в воздухе неопределенный жест волосатыми пальцами и взялся за ручку двери. Но, вспомнив что-то, насмешливо поглядел на заключенных и не то серьезно, не то в шутку сказал: – Того господина на баке – вашего друга пастора – я тоже уплотнил: посадил ему жильца. Неплохая получилась парочка: пастырь стада Христова и нечестивец Нордаль! Хо-хо! – И он вышел, хлопнув дверью.

Житков бросился к Элли, подвел ее к своей койке. Он видел, что раненая едва держится на ногах. Как только ее голова коснулась подушки, девушка в изнеможении сомкнула

веки.

Житков сидел у койки, глядя на спящую. Чем пристальней он вглядывался в черты Элли, тем невероятнее казалось ему, что эта нежная, беспомощная в своей болезни девушка и смелый, сильный сорванец, не раз помогавший ему на острове в самых трудных обстоятельствах, – одно и то же существо.

– Вот обстоятельство, которого не учли ни вы, ни я, строя планы нападения на Витему. – Фальк поглядел на девушку. – Ее присутствие может связать нас по рукам и ногам.

– Если до сих пор уничтожение Витемы было только моим желанием, то теперь это мой долг, – ответил Житков.

Он устроил себе постель на палубе каюты, лег, и долго еще вместе с Фальком они шепотом обсуждали планы освобождения.

– Мало вероятно, чтобы этот старый черт Мейнеш хоть раз в жизни сказал правду, – пробормотал Фальк. – А если он сейчас не соврал, то уж, наверно, задумал какую-нибудь пакость, соединяя пастора с Нордалем...

Наутро Житков и Фальк поделились с Элли своими планами. Она задумалась.

– Главное – вывести намерения немцев, – сказала она. – Мейнешу велено отобрать среди нас матросов. Кое-кто должен будет заявить о согласии работать... Чем больше окажется желающих, тем больше у нас шансов спасти своих людей.

Глаза Фалька сверкнули гневом.

– Такой ценой?! Вы сами не знаете, что говорите. Только ваша молодость позволяет мне простить вам это, дитя мое.

Элли терпеливо выслушала упрек и спокойно продолжала:

– Что касается меня, то если я смогу сегодня встать на ноги, я тотчас же заявлю о желании работать у немцев. Кем угодно: уборщицей, буфетчицей, поварихой. Я должна быть там, среди них. Притом как можно ближе к офицерам.

Житков с удивлением слушал ее решительную речь.

– Это даст мне возможность, – продолжала Элли, – знать, что они собираются делать. Я все буду передавать вам, а может быть, и пастору. – Она помолчала. – Слушайте! – Она понизила голос, и глаза ее загорелись. – Передача сведений – не все, что я сделаю. – Она огляделась. – Я убью Вольфа.

Житков схватил ее за руку.

– Я не выпущу вас отсюда!

Она не вырвала руку. И если бы Житков мог видеть в этот миг выражение ее затененных длинными ресницами глаз, он понял бы, что его невольный порыв означал для нее больше, чем любые доводы разума. Но когда она снова подняла лицо, в ее глазах уже не было ничего, кроме решимости.

– Я привыкла подчиняться только моему отцу.

Фальк рассмеялся.

– Не думаете ли вы, фрекен, что так это и останется на всю жизнь?

Она покраснела и строго сказала:

– Сегодня я встаю!

К концу дня, когда принесли ужин, Элли сказала караульному:

– Я хочу видеть капитана.

Житков нахмурился и, едва караульный вышел, сказал:

– Надо найти другой способ общения с пастором и Йенсенном. Вам лучше оставаться здесь... Нельзя ручаться за вашу безопасность...

– Для меня лучше всего то, что нужней, – ответила она. – Если им нужны только матросы – пойду матросом.

– С вашей раной? – воскликнул Фальк.

– Через два дня я забуду о ней... Я умею стоять на руле; с парусами управляюсь не хуже любого из этих фашистских ублюдков. Если бы не глупые законы, не позволяющие женщинам быть шкиперами, я бы давно сдала штурманский экзамен. – Она с гордостью посмотрела на Житкова.

– Вам недостает теперь только трубки, чтобы выглядеть настоящим моряком, – сказал Фальк и ласково притянул ее к себе. – Наш русский друг прав: вашу храбрость лучше спрятать подальше. Теперь нам больше может понадобиться хитрость. А хитрость – сестра осторожности. Запомните: для начала ваша задача столь же скромна на вид, как и важна для нас всех: установить связь с пастором. Понимаете?

На лбу Элли появилась упрямая морщинка.

– Так или иначе, позволят мне вернуться сюда или нет, –

вы будете знать планы пастора.

Житков не успел открыть рот для ответа. В коридоре слышались хорошо знакомые шаркающие шаги. Войдя, боцман не спеша вынул изо рта трубку.

– Ох, и глупа же ты, девочка!.. А в общем, дело твое. Собирайся.

Житков потянулся было к Элли, но, совладав с собой, только крепко пожал ей руку.

Сама того не подозревая, Элли поступила именно так, как нужно было поступить, осуществляя план Найденкова и Йенсена. Она была первой из спасенных, высказавшей желание работать на «Черном орле». К вечеру того же дня всех пленных выстроили на шканцах, и, показав на Элли, Витема сказал:

– Девчонка подает вам пример благоразумия. В благодарность за мое доброе отношение к ее отцу, старому Глану, она первой вышла на работу. Тот из вас, у кого есть голова на плечах, а в голове хоть немного мозгов, последует ее примеру. – Он оглядел молча стоящих пленников. – Ну, кто хочет работать – шаг вперед!

В воцарившейся тишине твердо прозвучали шаги. Все головы повернулись на их звук. У многих вырвался тяжелый вздох: вышел Йенсен. Ропот пробежал по рядам. Молодой рыбак протиснулся из задних рядов и стал между толпой и Нордалем.

– Эй, Нордаль! – крикнул он. – Мы считали тебя честным

малым. Но видит бог, я сверну тебе шею.

– От того, что мы оказались в плену, я не перестал быть вашим начальником, – сказал Нордаль. – Не ты мне свернешь шею, а я собственными руками проучу всякого, кто не исполнит моего приказа. Сила не на нашей стороне. Мы должны подчиниться. Мой приказ: выходить на работу!

С мостика послышался смех Витемы.

– Наконец-то вы заговорили языком разумных существ. Эй, боцман, распределить их по вахтам! Всех кроме девчонки. Она будет служить в офицерской кают-компании. Слышал, Мейнеш?

– Да, капитан...

Нордаль клянется повесить Витему

С тех пор как в кают-компании появилась хорошенькая буфетчица, жизнь офицерской части экипажа «Черного орла» приняла новое направление. Все три помощника капитана неизменно садились теперь за стол после каждой вахты, а перед вахтами забежали в кают-компанию выпить рюмку подкрепляющего.

Юная буфетчица сумела повести дело так, что оказалась в безопасности от поползновений кого-либо из офицеров. Каждый из них рассчитывал быть первым и ревниво следил, чтобы его не обогнали.

Однажды старший офицер Йенш сидел в кают-компании один. Он потянулся было к розовой щечке кельнерши, но Элли изо всей силы ударила его по руке, похожей на облепленную грязной шерстью лопату и... сама испугалась. А Йенш радостно зарычал, приняв удар за кокетливое заигрывание. Маленькие глазки его сузились еще больше. Когда он снова потянулся к Элли, она ловко увернулась. Это было трудной игрой. Девушка разжигала надежды немца. На смену Йеншу явился другой офицер – второй помощник капитана. Он мало чем отличался от Йенша в способах ухаживания. Его настойчивость умерялась только необходимостью оглядываться на дверь: не вошел бы старший офицер. Ушел второй помощник – явился третий...

С каждым из офицеров Элли вела ту же игру, и скоро она могла сказать, что добилась некоторой свободы действий. Она могла уже служить посредником между Найденовым и Нордалем – с одной стороны, Житковым и Фальком – с другой. Благодаря ей друзья выработали слаженный план совместных действий.

Во вторую вахту, которую несли Йенш и Мейнеш – самые опытные из командного состава, умеющие обходиться на парусных работах силами своей вахты и редко прибегающие к вызову подвахты, – поголовно все подвахтенные спали. Эта часть суток была наиболее удобной для действий заговорщиков. В заранее назначенную ночь Элли должна была обезвредить обоих младших офицеров, находящихся внизу. В помощь ей дадут двух-трех надежных людей. Как только офицеры будут обезоружены, норвежцы свяжут матросов – своих соседей по первой и третьей вахтам. Правда, норвежцев меньшинство, но зато на их стороне будет внезапность нападения. Для вооружения норвежцев Элли надеялась добыть в каюте каждого из двух офицеров по меньшей мере пистолет и винтовку, которые ей уже удалось приметить. Началу военных действий внутри судна должно было предшествовать полное изолирование от верхней палубы. Все выходы на нее будут заперты, чтобы бодрствующая часть команды, с Йеншем и Мейншем во главе, не могла прийти на помощь своим товарищам внизу. Когда удастся захватить внутренние помещения «Черного орла», заговорщики займутся

верхней палубой.

— Право, я начинаю жалеть, что в детстве мне не привелось читать пиратские романы, — бунты на кораблях и все такое... — с усмешкой сказал Найденов Йенсену, укладываюсь спать. — Теперь бы пригодилось. Не пришлось бы гадать, чем все это кончится.

— Как и во всяком романе с хорошим концом — победой! Клянусь всеми святыми и призываю вас в свидетели: не дальше, как нынче на заре Витема будет висеть в петле!

— Блажен, кто верует, Нордаль, — скромно проговорил Найденов. — Во имя Отца и Сына...

— Аминь! — Нордаль повернулся на бок. — В нашем распоряжении еще два-три часа, чтобы соснуть.

— У вас крепкие нервы, дружище, — проговорил Найденов. — Впрочем, я прогневил бы Отца Небесного, если бы стал жаловаться на свои. Покойной ночи!

С этими словами он натянул на себя одеяло. Скоро в каюте не стало слышно ничего, кроме ровного дыхания спящих. Ни один из них не слышал, как осторожно отворилась дверь и в каюту кошачьими шагами вошел Витема. За его спиной стоял Мейнеш. Вглядевшись в спящих, Витема кивнул боцману. Тот проворно, с неожиданной для его тяжелого тела легкостью, проскользнул за капитаном и быстро обшарил карманы развешанной по переборкам одежды спящих. Все, что было в них острого, режущего, колющего, — все перекочевало в карманы Мейнеша.

– И больше ничего? – разочарованно прошептал Витема. Мейнеш отрицательно покачал головой. Так же тихо оба выскользнули из каюты.

* * *

...Перегнувшись через борт шлюпки, Элли болтала руками в воде. Вода была необыкновенно тепла. Приятное ощущение ласки поднималось от кистей рук к плечам, разливалось по всему телу.

Рядом с Элли, бросив весла, сидел Житков. Он молчал, но оттого, что она читала в его взгляде, ей делалось еще теплей. Девушка чувствовала: еще мгновение – и голова ее закружится от этой никогда не испытанной сладкой теплоты, и она упадет за борт. Но странно, ей не было страшно: вода была такой теплой, ласковой... Так сладостно было бы окунуться в нее. Вот, вот, еще немножечко. Голова идет кругом, туман застилает сознание. Элли слышит странный звон и... в испуге просыпается.

Она – у раковины умывальника в буфетной. Руки опущены в теплую воду; она моет посуду. У ног – черепки разбившейся чашки. Элли встряхивает головой и смотрит на часы. Ровно час пополудни. Пора. До условленного времени восстания – середины первой вахты – остался один час.

То, что она делает, очень мало похоже на приготовление к вооруженному восстанию на корабле. Ее маленькие руки

проворно разжигают спиртовку. Через пятнадцать минут аппетитный запах закипающего какао распространяется по кают-компании. На второй спиртовке жарится яичница с ветчиной. Элли готовит рюмки, бутылку.

Время от времени она вскидывает глаза на часы и с беспокойством поглядывает в коридор, на двери офицерских кают. Ей кажется странным, что одна из дверей заперта не плотно, как обычно, а только притворена на длинный крючок. Элли силится вспомнить, оставил ли Витема эту дверь притворенной в полночь, когда прошел к себе в каюту, или приотворил ее, пока Элли так непростительно задремала над недомытой посудой?

Время близилось к двум. Сейчас должны прийти товарищи – помочь ей выполнить первую часть плана. Было бы безумием начинать все это около приотворенной двери командира.

Элли вздрогнула. словно вызванные ее мыслями духи, наверху тонущего в полумраке трапа возникли три темных силуэта. Девушка застыла с пальцем, предостерегающе прижатым к губам. Но, по-видимому, пришельцы не замечают этого жеста. Они спускаются в кают-компанию. Ей кажется, что осторожное прикосновение их подошв к ступеням грохотом разносится по кораблю. Мурашки бегут по спине. Взгляд прикован к проклятой двери и... О, боже! Штора колыхнулась. Элли бросается к норвежцам, отталкивает их в дальний конец салона. Они бестолково пятятся, не понимая, в чем

дело. Ее взгляд растерянно отыскивает укрытие. Три человека! Трое здоровенных мужчин!

Взгляд ее падает на массивный обеденный стол. Лампа над ним погашена. Тяжелая плюшевая скатерть ниспадает до самой палубы. Элли поднимает ее край и жестом отчаяния указывает мужчинам под стол. Ей хочется кричать от досады на их медлительность. Первый раз в жизни рыбаки кажутся ей такими неповоротливыми. И, боже правый, как грохочут их сапожищи даже по ковру!

Она опустила край скатерти и обернулась. В конце коридора стоял Витема в полосатой пижаме.

Элли почувствовала, что ноги ее сделались ватными, – вот-вот подогнутся. А Витема, прямой и спокойный, не спеша вошел в кают-компанию.

Элли силилась понять, видел он или не видел? Но ни одна черточка не дрогнула на его лице. Она даже не могла понять, видит ли он ее, – так пуст и безразличен был его взгляд.

Элли собралась с силами и сделала шаг навстречу Витеме; почтительно присела. Он поглядел на нее безразлично, словно не узнавая. Девушка смущенно пролепетала что-то о завтраке, приготовленном для второго помощника, которому скоро вступать на вахту.

– Принесите мне содовой. – Голос Витемы звучал устало. Он повернул кресло и сел за стол, вытянув ноги.

Элли поставила перед ним сифон. Она заметила, что на ногах Витемы нет туфель – он был в одних носках.

Уловив ее удивленный взгляд, Витема повернул кресло к столу и сунул ноги под скатерть. Девушка замерла в страхе: сейчас он обнаружит спрятанных под столом людей. Вот он уже что-то нащупал ногой, нагнулся, приподнял край скатерти. Непонимающе поглядел на свою необутую ногу и...

– Принесите туфли, там, возле койки.

Элли впервые очутилась в каюте Витемы. Но сейчас ей было не до любопытства. Она схватила туфли и побежала в кают-компанию. Витема все так же сидел, откинувшись в кресле. Сифон был наполовину пуст. Не спеша капитан вынул из кармана пижамы сигару. Пальцы его слегка дрожали. Когда он обернулся к Элли, лицо его приобрело обычное холодное выражение.

– Вы сказали... завтрак? – насмешливо спросил он. – Прежде я не замечал, чтобы вы готовили офицерам завтраки по ночам.

С палубы донеслись удары склянок. Четыре!..

Элли вздрогнула: час восстания! Найденов в корме и Житков в носу ждут сигнала, что с офицерами покончено...

Витема встал, тихонько засмеялся. Не спеша подошел к буфетной стойке и задул обе спиртовки.

– Отнесите содовую ко мне в каюту.

Он повернулся, и... удар тяжелого сифона по голове заставил его покачнуться. Прямое длинное тело бессильно согнулось и беззвучно осело на ковер.

Через две-три минуты Витема лежал спеленутый, как ре-

бенок, с завязанным ртом. Все произошло в полной тишине. Элли в бессилии опустилась в кресло. Нордаль налил ей стакан содовой. Слышно было, как стучат о стекло ее зубы.

Шкипер Лунд погладил девушку по голове. Она пришла в себя и собрала на подносе завтрак: какао, яичницу, бутылку вина. В следующую минуту осторожно постучала в дверь второго помощника. Около нее, прижавшись к переборке, стояли Нордаль, Лунд и крепкий белокурый рыбак.

За дверью послышался шорох. Щелкнул замок. Заспанный офицер выглянул в коридор.

– Что такое?

Смущенно опустив глаза, Элли стояла с подносом. Офицер несколько мгновений смотрел непонимающе, машинально приглаживая волосы.

– Вахта может немножко подождать.

Он распахнул дверь и с гадким смешком потянул Элли к себе. Она остановилась в дверях, чтобы не дать их захлопнуть. В каюту ворвались Нордаль и белокурый рыбак. Лунд с пистолетом Витемы в руках остался на страже в коридоре. За дверью второго помощника слышалась возня, хрипение, заглушенные немецкие ругательства. Через несколько минут Элли, Нордаль и рыбак вышли в коридор. В руках Нордаля был второй пистолет. Белокурый сунул Лунду винтовку. Элли привела в порядок поднос и направилась к третьему помощнику. Но дверь его каюты уже отворилась, и молодой офицер выглянул сам.

– Что за шум?

Лунд ответил ему ударом приклада. Офицера втащили обратно в каюту и тоже связали.

С захваченным оружием в руках все вбежали в кают-компанию. Первое, что им бросилось в глаза: Витемы там не было!

Нордаль широкими прыжками взбежал по главному трапу. Дверь на палубу оказалась запертой снаружи.

Заговорщики переглянулись...

Команда вешает капитана

Нордаль и Лунд укрепили дверь так, чтобы ее нельзя было отворить снаружи. После этого они смело подали условный сигнал товарищам. Разбившись на две группы: Нордаль и Элли с одной группой, Лунд и рыбак – с другой, – поделили добытое оружие и бросились на помощь тем, кто должен был действовать в кормовой и носовой частях судна.

Как правильно рассчитывали вожаки восстания, наличие вооруженной силы произвело свое действие на оставшихся без командования матросов «Черного орла». Несколько выстрелов по сопротивляющимся – и им стало не до того, чтобы разбираться, сколько оружия у восставших. Большая часть безропотно дала скрутить себе руки за спину. Через полчаса в распоряжении восставших оружия было больше, чем они могли унести. Найденов, Житков, Нордаль собрались, чтобы обсудить, как легче овладеть палубой. Но тут пришла неожиданная мысль: прежде, чем думать о захвате палубы, нужно справиться с машинной командой. Машинисты заперлись в кормовом отсеке, где находился вспомогательный двигатель «Черного орла». На требование сдаться они ответили выстрелами. Из прохода было слышно, как гудит пламя в запальных шарах дизелей. Раздавались звонки машинного телеграфа. По-видимому, машинисты, выполняя приказ с мостика, запускали моторы. Опомнившийся от

потрясения Витема торопился, не полагаясь на одни паруса. Найденов ошибся, предполагая, будто разъединив линию, питающую от динамо радиорубку, лишил Витему единственного средства спасения – радио. Овладев нижней палубой корабля, восставшие оказались в роли пассажиров, которых именно Витема повезет, куда ему вздумается.

Была дорога каждая минута. Если подоспеет какой-нибудь немецкий корабль, Витема перейдет в наступление. Конечно, восставшие не дадутся теперь живыми в руки немцев; может быть, им даже удастся утащить с собой на дно и врагов, взорвав судно, но не к этому они стремились: им нужна была жизнь, свобода. Им нужен был сам Витема!

– Надо любой ценой помешать ему управлять движением судна, – сказал Житков.

– Значит, первая задача – вышибить немцев из машины! – решительно заявил Найденов.

Несколько ручных гранат, брошенных под стальную дверь машинного отделения, сделали свое дело. Проход в машинное отделение был открыт. Но первый же норвежец, сунувшийся туда, упал с простреленной головой.

За дверью была крошечная площадка. С нее узкий железный трап вел вниз, где стояли двигатели. Укрываясь за ними, немцы вели огонь по единственной двери, через которую можно было до них добраться.

– Придется пожертвовать машиной, – сказал Найденов. И несколько ручных гранат одна за другой полетели вниз.

Немцы ответили градом пуль. Пули стучали по стальным переборкам, рикошетировали, визжа на разные голоса.

Житков отстранил Найденова от входа, ползком пробрался к стальному помосту, нависшему над машинным отделением, и дал очередь по мелькнувшей внизу голове машиниста. Снизу донесся стон. Житков терпеливо ждал, когда выглянет следующий. Но тут вдруг свет, заливавший машинное отделение, погас; освещенной осталась только верхняя площадка, где лежал сам Житков.

Положение стало неравным. Немцы могли стрелять по наступающим, оставаясь невидимыми. Житков выстрелил по лампе над своей головой. Все вокруг погрузилось во тьму. Розовели внизу запальные шары у головок цилиндров. В них гудело веселое голубое пламя. Звонко ударил гонг телеграфа. Раз, другой. Послышался голос механика, отвечающего что-то в переговорный на мостик.

Житков слышал, как засвистело в цилиндрах. Глубоко вздыхая, двигатель пошел. Снова раздался звон гонга, и Житков почувствовал, как дрогнуло судно от завертевшегося винта. Этот стук ожившей машины подействовал на Житкова, как удар.

– Их нужно наконец вышибить, – проговорил он, обернувшись к Найденову.

Тот сделал знак лежавшим товарищам. Несколько человек кинулись по трапам в черную пропасть машинного отделения. Снизу сверкнули выстрелы, громом отдавшиеся в ме-

таллической коробке отсека. Им ответила очередь житковского автомата. Немцы не смогли сдержать стремительное наступление восставших.

Пренебрегая осторожностью, Житков обогнул грохочущий двигатель и, не целясь, выпустил в темноту длинную автоматную очередь.

Скоро стал слышен только ровный гул работающих дизелей.

Найденов бросился к пусковому клапану и остановил машины. Почти сейчас же над головами раздалось из переговального басистое рычание Йенша:

– В машине!.. Какого черта? Ослепли вы, что ли? Посмотрите на телеграф, черт бы побрал ваши души!.. Полный вперед! За каким дьяволом вы стопорите шарманку?

Найденов крикнул в ответ:

– Алло, на мостике! Господин старший механик пошел к вам. Он лично доложит о причине остановки машины.

– Верните старого дурака. Он не пройдет на мостик. Нижние палубы захвачены бунтовщиками.

– Он пройдет кормовой рубкой, – ответил Найденов. – Нам удалось перекрыть проход в корму. Бунтовщики изолированы в носовой части корабля. Вся корма – наша.

– Вы в этом уверены? – В голосе Йенша прозвучало недоверие. Наступило молчание. Потом снова захрипел старший офицер. – Алло, вы там! Пускай механик тащится сюда, да живей. Мы разбаррикадируем кормовую дверь...

Товарищи поняли все без приказаний Найденкова. Он еще заканчивал этот разговор, а Нордаль, Лунд и все их люди уже стремглав неслись к кормовому люку. Через несколько минут оттуда послышались выстрелы и шум свалки.

* * *

Прошло не менее двух часов, прежде чем Найденков, Житков и Нордаль, сойдясь на мостике «Черного орла», торжественно протянули друг другу руки.

– Вот и счастливый конец романа! – улыбаясь, сказал Нордаль Найденкову.

– Это только последняя глава, но не эпилог, – отвечал Найденков.

– Не знаю, что вам еще нужно? – И Нордаль указал на фок-рей, на обоих ноках которого, раскачиваясь в такт плавным движениям корабля, висели два тела. То были Витема и его первый помощник Йенш.

– Я предпочел бы видеть капитана живым, чтобы иметь возможность кое о чем расспросить его, – сказал Найденков.

– Да и у меня были с покойным довольно серьезные счета, – согласился Житков. – Откровенно говоря, я до сих пор не понимаю, каким образом он мог угодить в столь неудобное положение.

– Я и забыл, что ты не участвовал в штурме палубы, – сказал Найденков. – Дело было так: мы овладели половиной

верхней палубы. И тут вдруг с их стороны появился парламентар. Как ты думаешь, кто это был?.. Сам Мейнеш!.. От имени команды он сделал предложение: мы даем им возможность спустить катер и не преследуем их, а они за это не пошлют в нас больше ни одной пули и оставят судно в нашем полном распоряжении. А нужно тебе сказать, что у них было четыре пулемета. Тут было о чем подумать, но мы ему все же категорически заявили: с «Орла» могут уйти все кроме Витемы. Витема должен остаться в наших руках. Мейнеш вышел вторично и сказал, что они согласны отплыть без своего капитана, но оставят его нам не живым, а... повешенным. В качестве бесплатного приложения они повесят и старшего офицера Йенша. «Если мы оставим их живыми, – сказал Мейнеш, – ни у кого из нас не будет уверенности в том, что нам самим не суждено закончить жизнь в петле. Рано или поздно наш капитан уйдет из ваших рук...» Да, такова была непоколебимая вера этих дураков в силу своего капитана. И тут уж они не шли ни на какие уступки. Они предпочитали драться с нами до последнего, чем рискнуть когда-либо испытать на себе месть Витемы.

– В конце концов, – сказал Йенсен, – я ничего не имею против такого эпилога. Жаль только, что с нами нет старого Глана! Куда его девали немцы, ума не приложу. Я готов предположить худшее...

– Ни слова при Элли! – предостерегающе произнес Житков.

К полудню было принято решение идти в Англию. Оттуда каждому предоставлялась возможность избрать путь по собственному выбору. Судно же будет передано в распоряжение находящегося в Лондоне норвежского правительства.

Люди разошлись по кубрикам и каютам. Житков и Найденнов решили остаться со своими старыми сожителями Нордалем и Фальком, но по дороге к себе зашли в капитанский салон.

Найденнов осмотрел ящики стола, ощупал карманы аккуратно развешанной одежды.

– Ключей нигде нет, – сказал он. – Как это ни противно, но придется обыскать карманы пижамы, в которой он висит.

– Давай уберем трупы.

– Ты прав. А ключи все же нужно найти.

– Займемся этим, ну, хотя бы нынче ночью, при смене вахт.

– Идет. Назначаем для встречи полночь.

– Добро. А до тех пор – по койкам!

Отвратительный характер повешенных

В полночь друзья встретились в кают-компании, поднялись на верхнюю палубу и по продольному мостику направились к фок-мачте, где висели Витема и его первый офицер. По пути Найденов окликнул вахтенного начальника.

– Не прикажете ли вы двум-трем людям помочь нам снять трупы повешенных? Не стоит оставлять их здесь до утра.

Норвежец отдал необходимые распоряжения голосом, по которому легко было понять, что он только что очнулся от дремоты. В сопровождении боцмана и двух матросов друзья пошли по продольному мостику к носу корабля. Дошли до фок-мачты. Но как ни всматривались они в темноту, – разглядеть труп Витемы им не удавалось.

– По-видимому, предыдущая вахта сняла, – сказал Житков.

– Нет, херре Житков, – сказал вахтенный. – Я как раз спрашивал об этом боцмана при смене. Он сказал, что одного-то сняли, а «самого» оставили мне.

– Не сам же Витема сошел с рея, – рассердился Найденов. – Пойдите к вахтенному начальнику и узнайте, где труп.

– Понимаю, херре пастор. Сейчас же спрошу.

Пришел вахтенный помощник.

– Я только что ходил к первому помощнику. Он и не думал

снимать труп: уверяет, что перед самой сменой видел его на рее.

– Что за история! – рассердился Найденов. – Сейчас мы узнаем, кто это сделал.

Он быстро спустился с мостика и побежал к Лунду. Но и Лунд ничего не знал. Не имел об этом представления и Йенсен. Подняли на ноги обе нижние вахты, опросили всех. Никто и близко не подходил к повешенным.

Найденов посветил фонариком на свисающий с носа конец троса: он был срезан.

– Значит, здесь остался кто-то из шайки Витемы. Нужно сейчас же обыскать корабль!

Все занялись поисками. Осмотрели все закоулки, но не обнаружили даже намека на тайник, где мог бы скрываться человек.

– И тем не менее я не верю в чудеса! – воскликнул Найденов.

– Хотя по твоему пасторскому званию именно тебе, а не мне следовало бы в них верить. Что касается меня, то я начинаю, кажется, верить... У повешенных бывает странный характер.

Друзья спустились в салон. По дороге они запаслись инструментом. Найденов взламывал массивный стол Витемы, когда в салон вошел взволнованный Лунд.

– Витема ушел на четверке с подвесным мотором, – сказал норвежец.

– Витема или труп повешенного Витемы? – спросил Житков.

Найденов провел рукой по лицу.

– Это действительно становится похоже на фантастический роман.

– Нет, это доказывает только, что таких, как Витема, мало вешать. Даже когда они болтаются в петле, всаживать следует пулю.

– По-видимому, ты прав, – произнес Найденов и опустился на диван.

Сильный толчок сбросил его на пол. Кресло, в котором сидел Житков, выскочило из крепления. Весь корпус «Черного орла» содрогнулся от взрыва.

Найденов бросился к переговорному.

– На мостике! Что случилось?

Никто не ответил. На верхней палубе были слышны шаги бегущих людей. В салон вбежал Лунд.

– Цистерна с топливом горит. Взрывом вырван кусок обшивки в ахтерпике!

– Помпы?

– Вода поступает быстрее, чем успевают откачивать помпы.

– Как вы думаете, – живо спросил Житков, – сколько времени эта коробка может еще продержаться на плаву?

– Не больше суток, – сказал Лунд.

– Сутки? – Житков повернулся на каблуке и щелкнул

пальцами. – За сутки, знаете, что можно сделать?!

– Утонуть двадцать четыре раза, – хмуро пробормотал шкипер.

– Утонуть можно и все сорок восемь раз, – отрезал Найденов. – Но можно сочинить кое-что другое. Всех наверх!

С этими словами все трое бросились наверх. Навстречу им бежал Йенсен.

– Эй, шкипер! – крикнул Нордаль. – Мы осмотрели шлюпки. У всех продырявлены днища...

Последний рейд «Черного орла»

Начальник поста береговой стражи оккупационных войск в Норвегии, штурмфюрер штандарта СС «Мертвая голова» Пауль Минкнер протянул руку к телефону. Звонок настойчиво дробил ночной полумрак комнаты. Минкнер был зол. И без этого звонка его сон был не слишком спокоен. Его нервовали светлые ночи. В этой стране все было не по вкусу Минкнеру: высокие и крутые горы, студеное море, мужчины, открыто ненавидящие немцев, женщины, отвергающие ухаживание даже офицеров СС. Из-за всего этого Пауль Минкнер часто пребывал в состоянии раздражения. Не было ничего удивительного, что он и сейчас сердито рявкнул в трубку:

– В чем дело?!

Но то, что он услышал, заставило его быстро сбросить одеяло и взять карандаш. Он стал делать заметки в блокноте.

Собеседник на том конце провода говорил:

– Патрульный самолет обнаружил на траверзе острова Сандё трехмачтовый парусник. Курс – ост-зюйд-ост. Судно несет всю парусность. Обращает на себя внимание необыкновенная осадка: борта судна едва возвышаются над водой. Флага летчик разобрать не мог.

– Так... так... так... – повторял Минкнер, делая отметки. – Последние координаты?

Собеседник назвал широту и долготу.

– Это не может быть немецкое судно с рудой из Нарвика? – спросил Минкнер.

– Запросили по радио Нарвик, ответа нет. Вид судна внушает подозрения.

– Через два часа я буду у них на палубе, – заключил Минкнер.

– Если нужно, сейчас же радируйте: вышлем спасательный буксир.

– Быть может, целесообразно и идти прямо на нем?

– «Зеефальк» – наше единственное спасательное судно. А время такое, что оно может понадобиться в любую минуту. Не хочется понапрасну угонять буксир из порта.

– Положитесь на меня. Я справлюсь своими силами, – согласился Минкнер.

Через десять минут сторожевой катер с десятком эсэсовцев на борту отвалил от дальнего конца пристани Тромсё и, набирая скорость, пошел к устью Тромсёсунда.

Очутившись в кокпите катера, Минкнер завернулся в плащ и растянулся на диванчике, приказав разбудить его, когда покажется парусник.

Охранники расположились вокруг откидного столика, появились карты. Партия ската была в самом разгаре, когда в люк просунулась красная физиономия матроса.

– Парусник в виду!

Собрав карты, охранники неохотно полезли на палубу. Следом за ними, протирая глаза, появился и сам Минкнер.

Он навел на парусник бинокль:

– Он поднимает наш флаг. Они волокут руду из Нарвика. Но хотел бы я знать, за каким чертом понадобилось им заворачивать в нашу дыру?

– Посмотрите на его осадку, господин штурмфюрер, – позволил себе заметить шкипер. – Он принял в трюмы больше воды, чем могут откачать помпы.

– Откуда вы знаете?

– Разве вы не видите, как она льется сквозь все шпигаты, господин штурмфюрер?

– Не можешь ли ты разобрать название?

– «Черный орел», господин штурмфюрер, – услужливо ответил один из эсэсовцев.

– В этом виде он больше напоминает мокрую курицу, а?

– Остроумно сказано, господин штурмфюрер. – Шкипер угодливо хихикнул. – Боюсь, что эта курица не протянет больше чем до полудня.

Хотя Минкнер решительно ничего не понимал в таких делах, он важно согласился.

– Да, черт возьми, его дела швах!

Катер приближался к «Орлу», Минкнер приказал просигнализировать: «Капитану прибыть с судовыми документами».

На «Черном орле» не отрепетовали сигнала.

– Кой черт, ослепли они, что ли? – сердито проворчал Минкнер и, взявшись за мегафон, велел еще сблизиться с

барком. Когда расстояние было не более двухсот метров, он крикнул:

– Эй, вы! Какого черта не отвечаете на сигналы полицейского катера?

– У нас не осталось сигнальщика.

– От капитана-то у вас что-нибудь осталось?

– Я капитан. Что вам нужно?

– Осмотреть вашу посудину, проверить судовые документы и ваших калек.

– Кто говорит?

– Начальник поста береговой стражи штурмфюрер Минкнер.

Тот, кто называл себя капитаном «Черного орла», сразу изменил тон:

– О, господин штурмфюрер, тысяча извинений! Что угодно приказать господину штурмфюреру?

– Садитесь в шлюпку и приезжайте ко мне с судовыми документами, а потом я поднимусь к вам на борт.

– К сожалению, господин штурмфюрер, – ответил капитан «Черного орла», – у нас не осталось ни одной исправной шлюпки.

– Я вижу почти все ваши шлюпки на месте, – с удивлением сказал Минкнер.

– Они все текут, как решето.

– Послушайте, вы! – рассердился Минкнер. – Голова у вас еще не течет?

– Боюсь, что через несколько часов именно это ей и предстоит, если нам не подадут помощи.

– Какого же дьявола вы не вызываете спасательное судно?

– Машинное отделение под водой. Радиосвязи нет.

– Да что с вами в конце концов случилось?

– Если господину штурмфюреру будет угодно прибыть ко мне на борт, я буду иметь честь доложить все подробно.

Минкнер колебался. Ему не хотелось отправляться на корабль: а вдруг эта чертова посуда возьмет да потонет? Сразу, как продырявленная кастрюля! Наверно, бывает ведь и такое. Нет, это слишком опасно.

Он крикнул в сторону «Орла»:

– Выкладывайте, что случилось.

– Сообщение не из тех, которые следует знать всему свету.

Минкнер с явной неохотой приказал шкиперу подойти к борту «Черного орла» и неуклюже перелез на трап парусника. За ним последовал десяток его черномундирных охранников. Торжественно, как похоронная процессия, они поднялись по трапу. Впрочем, восхождение было не особенно длинным: большая часть трапа была уже под водой.

Не желая бить свой катер о борт парусника, немецкий шкипер отошел на сотню метров.

Глядя, как Минкнер в сопровождении своей команды скрылся в дверях кормовой рубки, шкипер с завистью облизал губы. Он представил себе шеренгу бутылок на столе кают-компаний парусника – первое, с чем, вероятно, поже-

лает ознакомиться бравый штурмфюрер. Прошло с полчаса. Наконец Минкнер появился в дверях рубки и прямо оттуда крикнул:

– Эй, на катере!.. – Тут он запнулся, как бы размышляя, что сказать дальше, и не очень уверенно, сбиваясь, продолжал: – Радируйте на пост... выслать «Зеефальк» сейчас же... дайте точные координаты.

– Кажется, он уже проинспектировал винный погреб «Орла», – пробормотал шкипер и громко ответил Минкнеру: – Будет исполнено, господин штурмфюрер. Прикажете подойти к борту?

Было ясно видно, что Минкнер открыл было рот, чтобы что-то ответить, но вдруг, словно поперхнувшись, неуверенно сказал:

– Отправляйтесь в порт. Я вернусь на «Зеефальке».

Шкипер обомлел, потрясенный неожиданным мужеством эсэсовца.

– Вы хотите оставаться на тонущем корабле?

Секунда молчания – и неуверенный крик Минкнера:

– Делайте, что приказано!.. Только, ради бога, поскорее радируйте насчет спасательного буксира, – слышите вы?

– Радист уже работает, – ответил шкипер и, решившись, крикнул: – А нельзя ли перебросить нам оттуда парочку флаконов чего-нибудь живительного?

Минкнер оглянулся внутрь рубки и тотчас прокричал шкиперу:

– Убирайтесь ко всем чертям, не то я...

Шкипер не стал ждать продолжения тирады. Через несколько минут катер уже нырял в белой пене далеко от «Черного орла».

Прошло не менее двух часов, прежде чем в этом квадрате, на месте сторожевого катера, показался силуэт спасательного буксира «Зеефальк». Его могучая грудь уверенно расталкивала волны.

По-видимому, шкипер сторожевого катера успел подробно описать по радио положение «Черного орла»: на буксире уже готовили толстые рукава шлангов. Легкое облачко паравилось над мощными спасательными помпами, способными, кажется, высосать самый океан, а не то что откачать затопленные трюмы какого-то барка. Командир буксира, краснолицый пожилой немец с седыми усами, стоя рядом с рулевым, разглядывал «Орла», погрузившегося уже чуть не до самого фальшборта.

Когда расстояние между судами сократилось настолько, что можно было переговариваться, командир буксира взял мегафон:

– Здравствуйте, капитан!

– Рад видеть вас, капитан! – любезно ответили с «Черного орла».

В это время к борту подошел Минкнер, окруженный группой охранников.

– Здравствуйте, капитан! – нервно крикнул штурмфюрер

капитану буксира. – Поскорее поднимайтесь сюда. А не то эта старая банка потонет вместе со мной.

Тут двое охранников подхватили своего офицера под мышки и увели в рубку.

– Однако, – проворчал капитан буксира, – свой трюм он успел уже изрядно залить. Я бы ничего не имел против того, чтобы кое-что качнули и в меня. Эй, герр капитан, не найдется ли там у вас чего-нибудь согревающего для моих водолазов?

– Буду рад выложить перед ними весь мой запас, капитан. Вы сделаете мне большое одолжение, если подниметесь отведать то, что у нас еще осталось.

Спасатель не заставил повторять приглашение. «Зеефальк» подошел к борту «Черного орла», и вслед за своим капитаном водолазы полезли на парусник.

Из рубки «Орла» вышли человек десять охранников. Впереди браво шагал здоровенный мужчина с нашивками шарфюрера. Как только спасатели освободили трап, эсэсовцы спустились на буксир.

– Мы предпочитаем наблюдать со стороны, капитан, – с усмешкой сказал старший в команде.

– А ваш офицер?

– Он ждет вас в кают-компании.

Эсэсовцы быстро разбежались по палубе «Зеефалька» с таким видом, словно каждому из них было заранее назначено определенное место. Часть тут же спустилась в маши-

ну; шарфюрер взбежал на мостик и встал рядом с рулевым, остальные разместились на палубе около матросов буксира. Вдруг шарфюрер поднял пистолет и выстрелил в воздух.

– А ну-ка, ты, подними лапы! – крикнул он рулевому.

Немецкий матрос с удивлением увидел против своего лица черное очко пистолетного дула.

То же самое проделали остальные охранники: их пистолеты были наведены на матросов, один за другим растерянно поднимавших руки.

Шарфюрер ловко связал поднятые над головой руки рулевого и нагнулся к переговорному.

– Эй, в машине! Как у вас там дела?

– Все готово.

– На «Орле»! – крикнул шарфюрер. – Эй, на «Орле»!

Над бортом парусника появилось несколько голов.

– Как у вас там дела? – спросил шарфюрер.

– В полном порядке.

– У нас тоже все готово! – крикнул шарфюрер. – Херре пастор, куда вы думаете девать своих пленных?!

– А что думаете на этот счет вы, Нордаль?

– Хотя я и не сторонник церемоний с этими господами, – вставил появившийся у борта Житков, на котором была форма первого офицера «Черного орла», – но мне хотелось бы сохранить до поры до времени всю банду. Думаю, они знают кое-что, что может нам еще очень пригодиться!

– Верно, – согласился Найденов. – В трюме «Зеефалька»

хватит места для всех. Давайте, не теряя времени, перегружаться на буксир. – Он обернулся к Житкову. – Пройди в радиорубку буксира и позаботься о том, чтобы на берег дали подходящую депешу: «Спасательные работы идут полным ходом». Вы же, херре Лунд, идите принимать ваше новое судно. «Зеефальк» сколочен достаточно прочно, чтобы доставить нас, куда пожелаем.

– Надежное корыто, – с нескрываемым удовольствием проговорил шкипер. – А его вы тоже намерены преподнести норвежскому правительству?

– Дело будущего. Но ни минуты не буду возражать против того, чтобы коробка перешла в вашу полную собственность.

– Ну, ну, – смущенно пробормотал Лунд. – Такая коробочка стоит того, чтобы ею заняться!

И он спустился на палубу буксира. Следом за ним туда перегнали связанных охранников, водолазов, капитана «Зеефалька» и хнычущего, как побитый щенок, штурмфюрера.

Тем временем Найденов, в сопровождении нескольких норвежцев, еще раз спустился внутрь «Черного орла», чтобы заложить подрывные патроны: они должны были ускорить гибель последнего пирата.

Через полчаса, когда «Зеефальк», унося всех норвежцев, Найденова, Житкова, Нордаля и Фалька, был уже на значительном расстоянии от «Черного орла», раздался взрыв. Большой кусок стального борта пирата со свистом отлетел в сторону. Качнулись высокие мачты. Заполненный водой

корпус стал быстро погружаться. Через каких-нибудь десять минут и палуба парусника покрылась водой. Вот погрузился мостик, вода дошла до фока-рея. Казалось, упрямый нацистский пират решил погибнуть, не теряя правильного положения на киле.

Но вдруг нос его показался над поверхностью. Вода вокруг него кипела и пузырилась. Крен «Орла» становился все больше. Ноки-реи коснулись волн и, словно схваченные под водой чьей-то могучей рукой, стали быстро погружаться. Судно легло на борт, обнажая красное днище. Широкая волна перекатилась через него, и корабль исчез.

– Надеюсь, «Марта Третья» будет и последней, – оказал Найденов и усмехнулся: – Просто-таки жаль, херре пастор, что вы неспособны отслужить благодарственное моление по случаю ее окончательного исчезновения...

Глава вторая. Похищенный жених

Коммодор Фитцжералд не берет пленных

Северное море (в скобках именуемое «или Немецкое») нельзя назвать уютным.

Серо-голубые, в иную погоду совсем светлые волны его никогда не отличались особенной красотой. К тому же истари этому морю особенно везло по части войн. Со времен боевых челнов норманнов, в эпоху «великих» парусных флотов и вплоть до появления на его белесых волнах паровых гигантов не бывало в пределах старушки Европы такой войны, чтобы Северное море не стало ареной сражений или блокад. Изобилующее в своей западной части банками, это море в мирное время было, пожалуй, самым «освещенным» из всех морей. Огни маяков, мигалов и всякого рода створов и буюв загорались на вечерней заре, предостерегая мореходов от грозящей им опасности. Но во время войн все огни гасли. Воюющие стороны, а подчас даже и нейтралы, какими с довольно давних пор стали скандинавские страны, гасили свои маяки. Караваны транспортов осторожно плелись, боясь уже не только природных банок, а обширных минных полей, по-

ставленных заградителями, своими и вражескими.

Боевые корабли рыскали из края в край, налетали на мины, взрывались и тонули, погребая в неприветливых голубых водах тысячи матросских жизней и миллиардные ценности, созданные потом, слезами и кровью миллионов простых людей. Чаще всего военные сводки об этом молчали. Разве изредка, когда доводилось отправиться в царство Нептуна какому-нибудь адмиралу, появлялось торжественное сообщение в черной рамке. По-видимому, адмирал, изукрашенный золотом во всех местах, где только можно его прицепить, считался более ценным товаром, нежели все остальное вместе взятое – и люди, и корабли, и миллиардные грузы.

Во время войны, получившей название Второй мировой, Северное море стало особенно неудобным. К прежним средствам уничтожения людей и кораблей присоединились новые, каких еще не знали. Самому быстроходному и маневренному кораблю избежать уничтожения стало труднее, нежели в былое время тихоходной и неповоротливой галере. Если прежде жертвы войны на море исчислялись тысячами, и, подсчитывая убытки от нее, купцы выводили четыре или пять нулей, то теперь десятки тысяч тел шли на питание морской фауны, и ущерб, наносимый одной подводной лодкой, исчислялся цифрой с бесконечным рядом нулей.

Так было и в дни, о которых идет этот рассказ.

Эскадренный миноносец «Хард» полным ходом шел на восток. Высокий бурун выбивался из-под скула корабля. Гул

турбин висел над ним, как тугая звуковая завеса. Долго еще после того, как спадала пена, взбитая винтами «Харда», на воду оседал прозрачный шлейф сизого дыма.

Миноносец спешил в Англию с поручением своего флагмана – командующего третьей северной эскадрой. Командир эсминца, коммодор Фитцжералд, получил от адмирала для доставки в адмиралтейства большой, туго набитый портфель из плотной желтой кожи. Мало того что портфель был заперт на замок. Он был еще крест-накрест перевязан толстым шелковым шнуром, на котором красовались большие сургучные печати. Принимая поручение, Фитцжералд не спрашивал своего флагмана о содержимом портфеля, но адмирал, уединившись с коммодором в своем салоне на «Крюзадере», сказал:

– На этот раз вам придется изменить правилу лицом к лицу встречать вражеские корабли. Приказываю всемерно избегать встреч с противником. Уйдите с торного пути наших караванов. Пробирайтесь так, чтобы джерри вас не видели и не слышали. Это вам не по вкусу? Ничего не поделаешь!

На прощание адмирал протянул руку и сказал:

– Передайте офицерам и матросам «Харда»: Англия рассчитывает на них.

Теперь, сидя в командирской каюте «Харда», Фитцжералд вспоминал эту беседу всякий раз, когда его взгляд падал на железный сундук, привинченный к палубе под койкой.

«Хард» покинул обычный путь конвоев и неся, не жалея

машин. Все вахтенные начальники твердо помнили слова командира: «При малейшем признаке джерри – уходить!».

Никто на корабле, кроме самого Фитцжералда, не знал причины такого необычного приказа, но все понимали, что он отдан неспроста. Каждый выходивший на ходовой мостик офицер прежде всего подносил к глазам бинокль и внимательно оглядывал горизонт. Так же поступил и лейтенант О'Нил, принимая вахту.

– Мак-Кэрни! – крикнул он вслед сошедшему уже было с мостика своему предшественнику. – Не кажется ли вам, что там, на крамболе, несколько странный силуэт корабля?

Мак-Кэрни вернулся на мостик и поглядел в направлении, указанном О'Нилом.

– Вы правы... Странный силуэт – рубка и труба. Словно у него вовсе нет корпуса... Блин с трубой... – И через минуту воскликнул: – Эге-ге, готов съесть мой галстук, если это не спасательный буксир! Посмотрите, какой характерный контур!

– Да, – согласился О'Нил. – Но какого черта здесь делать спасателю? Ведь мы не принимали сигналов бедствия.

Пока шел этот разговор, расстояние между судами уменьшилось до сотни кабельтовых.

– Мичман Браун! – окликнул О'Нил вахтенного мичмана.

– Да, сэр.

– Прикажите сигнализировать этому буксиру: «Показать свой флаг!»

– Слушаю, сэр. – И меньше чем через минуту Браун доложил: – Исполнено, сэр.

Действительно, под коротким реем «Харда» уже трепетали по ветру пестрые флаги сигнала.

– Они подняли флаг, сэр! – доложил мичман О'Нилу.

– Норвежец?

– Точно так, сэр.

– Проверьте-ка по Ллойд-регистру, Браун, что за спасательные суда имеются у норвежцев. Сдается мне, Мак-Кэрни, что они что-то слишком долго искали свой собственный флаг.

– Вижу название судна, сэр! – послышался с крыла мостика голос сигнальщика. – «Зеефальк», сэр.

– Что за чертовщина!.. По-моему, на языке джерри это означает «Морской сокол». А, Мак? – удивленно спросил О'Нил.

Но вместо лейтенанта ответил мичман Браун, уже успевший справиться по регистру.

– Спасательное судно «Зеефальк», сэр. Шестьсот регистровых тонн. Приписка: Бремен, Владелец – Северогерманский Ллойд, сэр.

– Так и есть.

О'Нил выдернул пробку из переговорной трубы, ведущей в командирскую каюту.

– Говорит мостик, сэр. Вахтенный начальник О'Нил.

– Да, мистер О'Нил? – послышался сонный голос Фитц-

жералда.

– Мы нагоняем спасательное судно Северогерманского Ллойда «Зеефальк», сэр. На мое требование показать флаг подняты цвета Норвегии.

После молчания, длившегося не более секунды, снизу последовало приказание:

– Ход до полного. Предупредительный выстрел по курсу. Сигнальте приказ: «Остановиться!»

– Слушаю, сэр.

Через две минуты Фитцжералд был на ходовом мостике. Он успел еще увидеть, как оседает под носом буксира пенный фонтан, вскинутый разрывом снаряда.

О'Нил доложил:

– Он поднял белый флаг, сэр.

– Я бы предпочел, чтобы он ответил нам огнем, – недовольно пробормотал Фитцжералд. – У меня нет времени возиться с ним.

– Мы можем посадить на него призовую команду, сэр. Гуннов возьмем к себе.

– Некогда мне! – проворчал командир. – А каждый из наших людей может понадобиться и здесь. Мы с вами еще не дома, О'Нил.

– Да, сэр.

– Единственное, на что у меня есть время, – расстрелять его на ходу, – решительно произнес Фитцжералд. – Но, черт побери, не могу же я расстреливать их после поднятия бело-

го флага!..

– Может быть, это простая хитрость, сэр? – подал мысль Мак-Кэрни. – Разве невозможно, что джерри хотят создать нам задержку, пока подойдут их корабли?

Фитцджералд посмотрел на шотландца с нескрываемым удовольствием.

– Это мысль, Мак-Кэрни!.. Это мысль!.. Мистер О'Нил, запросите джерри, куда они следуют. Посмотрим, что ответят.

Через минуту вахтенный мичман прочел ответ буксира.

– Любой порт Англии, сэр.

Офицеры в изумлении переглянулись.

– Положительно вы правы, Мак-Кэрни: хотят задержать нас какой-то очевидной чепухой. Сейчас мы узнаем, действительно ли они просят пощады или это лишь хитрый ход. Мистер О'Нил, залп из носовых орудий по буксиру.

– Залп по буксиру, сэр?.. – нерешительно повторил О'Нил.

– Да, да! Вы стали плохо слышать?.. Если джерри не держат камня за пазухой, они вывесят для просушки все свои простыни.

Корпус эсминца вздрогнул от залпа носовых пушек. Бинокли офицеров поднялись к глазам. Все увидели, как разрывы у самого борта «Зеефалька» выкинули на его палубу фонтаны вспененной воды.

– Кажется, совесть этих разбойников чиста: они прыгают

за борт... — сказал Фитцджералд. — Немного жестоко, конечно, но у меня не было другого способа проверить их показание. Не правда ли, господа?

— Не прикажете ли приготовить спасательные средства? — осведомился О'Нил.

Фитцджералд непритворно вздохнул:

— К сожалению, традиция велит мне протянуть им руку помощи. А видит Бог, я бы предпочел не терять времени на пленных.

— Что прикажете делать с буксиром, сэр? — спросил О'Нил. Коммодор посмотрел на часы.

— Даю вам двадцать минут на то, чтобы принять пленных и расстрелять судно. Ни минутой больше.

— Да, сэр.

Фитцджералд сунул руки в карманы пальто и не спеша спустился с мостика, предоставив офицерам укладываться в указанный срок.

К исходу семнадцатой минуты все плававшие вокруг буксира и оставшиеся на его палубе люди были приняты «Хардом». Торпедные аппараты эсминца повернулись на правый борт. Убедившись в том, что на буксире не осталось людей, О'Нил отдал приказ торпедировать «Зеефальк». Взрывы двух торпед, выпущенных по буксиру, слились в мощный удар, от которого бросило к левому борту всех, находившихся на палубе «Харда». Столб вспененной воды поднялся над «Зеефальком».

– Готово, сэр! – доложил О'Нил по переговорной трубе командиру. – Буксир погрузился.

– Идти прежним курсом! – приказал Фитцджералд. – По заботьтесь, чтобы пленным был обеспечен уход.

– Позвольте обратить ваше внимание, сэр, они действительно оказались норвежцами... Среди них имеется пастор.

– Пастор?

– Так точно, пастор, сэр. Просит разрешения вам представиться.

– Хорошо, – подумав, сказал Фитцджералд. – Остальных – в кубрик. Предварительно обыскать.

Через несколько минут Найденев сидел перед коммодором Фитцджералдом и рассказывал ему историю своих похождений.

– Мне доводилось кое-что слышать о сказках, какие изобретают попавшиеся разведчики, – насмешливо произнес Фитцджералд, – но я никогда не думал, что можно договориться до таких Геркулесовых столбов.

Найденев с достоинством поднялся:

– Вы имеете дело с советским офицером...

Фитцджералд движением руки остановил его.

– Ну, ну, успокойтесь, господин пастор или господин советский офицер, как вам будет удобней... Мне решительно все равно, кто вы такой. В этом разберутся на берегу. А мне вы доставили несколько минут искреннего веселья... – Офицер действительно от души рассмеялся. – На этот раз гестапо

шьет белыми нитками.

Найденов с возмущением передал Житкову разговор с англичанином. Но, к его удивлению, Житков отнесся к этому спокойно.

– Нас с тобой приняли за немецких шпионов? – весело сказал он. – Что ж такого? Разве на месте командира ты не подумал бы того же?

– Пройдет, наверно, немало времени, пока нам удастся распутать этот клубок.

– Посмотри-ка лучше сюда: нам несут ужин. И я вижу в руках вестового бутылку. Готов предложить тост за британских моряков! Они достаточно любезны даже с немецкими шпионами.

Найденов, чокнувшись, машинально повторил:

– Ну что ж, давай: за храбрых моряков!

Выйдя в коридор, вестовой, подававший им обед, с удивлением сказал часовому:

– Эти джерри, кажется, рехнулись, пока мы их выуживали из воды. Пьют за наше здоровье. Хо-хо!..

Похищенный жених

Выяснение истинной физиономии всех, кто плыл с Найденовым – от Нордаля до последнего рыбака, – не представило больших трудностей для английской контрразведки. Установление личности Житкова после вмешательства советского посольства тоже оказалось делом простым. С выяснением же личности Найденова день за днем возникали задержки. У него создавалось впечатление, что кто-то заинтересован в том, чтобы он подольше оставался нахлебником английской тюрьмы.

Наконец сэр Артур Кадоган, глава отдела контршпионажа секретной службы адмиралтейства, заявил ему:

– Поверьте, мистер Найденов, мне не доставило бы ничего, кроме удовольствия, самого искреннего, отпустить вас на все четыре стороны. Но для этого я должен был бы снять с себя ответственность по крайней мере за вашу собственную жизнь. Увы, оставаться пока здесь – в ваших собственных интересах. Не говоря уже об интересах дела, которому вы служите, которому служим мы оба. Ради того, чтобы выловить тех, для кого вы служите лакомой дичью, я и иду на небольшую комедию вашего ареста. Так помогите же мне. Только тогда, когда здесь появится одно лицо, которому я доверяю, я буду уверен, что все в порядке.

– Кто же этот человек? – нетерпеливо, перебил его Най-

денов.

– Тот, чье имя вы использовали, чтобы попасть на остров Туманов.

– Пастор Зуденшельд?!

– Именно так, но, к сожалению... – Кадоган беспомощно развел руками.

Найденков понял, что тот хотел сказать: мертвецы – плохие свидетели.

– Но не хотите же вы сказать, – воскликнул он, – что смерть пастора лишает меня надежды скоро выйти отсюда?

Найденков понимал, что, по всей вероятности, было бы достаточно снестись с советским посольством, чтобы положить конец его «заключению». Но было неловко затруднять посла в такое и без того горячее время. К тому же, может, Кадоган и не врет, что этот арест – одно из условий выигрыша в их общей игре против нацистов.

Однажды Житков явился с признаками плохо скрываемого волнения. Найденков решил, что Житков узнал что-либо новое о его судьбе.

– Да нет же, – отнекивался Житков. – Даю честное слово: к тебе это не имеет никакого отношения. Дело касается лично меня, и только меня...

– Да не тяни ты, – рассердился Найденков. – Говори прямо!

– Ну, изволь... Только, пожалуйста, без насмешек. На днях произойдет перемена в моей личной жизни...

– О чем ты говоришь? – встревоженно спросил Найденков.

– Вкратце вот о чем: мой будущий тесть...

– Позволь! – перебил Найденов. – Я не понимаю, о ком ты говоришь: какой же тесть может быть у самого убежденного из всех холостяков?

– Я говорю о старом Адмирале, Иваре Глане, – об отце Элли, моей будущей жены.

– Положительно, все идет кувырком!..

– Адмирал дал согласие на мой брак с Элли Глан.

– Адмирал? Но ведь матросы «Марты» толковали, будто Витема приказал Мейнешу выкинуть Глана в море...

– А между тем он жив, здоров и находится здесь. Каким-то чудом вторично удрал с «Марты», а как – не говорит.

– Чудеса в решете!..

– Так вот, с разрешения Кадогана «миссис» Житкова прибудет сюда с прощальным визитом перед отъездом... Я должен спешно вернуться домой.

В тот же день Кадоган сказал Найденову:

– Я пригласил вас, чтобы предупредить: завтра вас посетит мистер Житков с мисс Элли Глан. Прошу вас не удивляться тому, что его будут сопровождать два незнакомых вам человека. Пришлось подумать об его охране...

– Вот как? Разве и ему что-нибудь угрожает?

– Позднее охрана ему, может быть, и не понадобится, – неопределенно произнес Кадоган. – Кстати, кажется, благодаря одному неожиданному обстоятельству ваше дело подходит к благополучному концу...

На другой день, едва Найденов успел позавтракать, как надзиратель, обычно молчаливый малый, вошел в камеру, улыбаясь во весь рот:

– К вам посетитель с дамой, сэр...

Житков был в новом, с иголки, смокинге. Белый цветок закрывал половину лацкана.

– Ты извини, что мы в таком виде, – сказал Житков. – Но прямо отсюда нужно ехать в норвежское посольство. Прием в нашу честь...

Элли была удивительно хороша в своем новом наряде. Элегантный туалет подчеркивал тонкость ее черт, грацию стройной фигурки, которую прежде скрывала грубая одежда рыбака. Глаза ее сияли таким счастьем, что всякие вопросы казались лишними.

– Вы не боитесь ехать в Россию? – спросил Найденов.

– Я ничего не боюсь, когда со мной Павел. Но одного его я никуда не пущу.

– Ну, кончено твое дело, Павел, – засмеялся Найденов.

Присутствие Элли несколько мешало друзьям поговорить напоследок обо всем, что их волновало.

– Ты еще зайдешь до отъезда? – спросил Найденов.

– Непременно. Завтра буду у тебя. – Житков посмотрел на часы. – Пора, дорогая, – сказал он.

Элли крепко сжала руку Найденова и сказала:

– Херре пастор, – позвольте назвать вас так, потому что в моем представлении вы навсегда останетесь мужественным

предводителем наших людей на острове, – вы непременно должны приехать к нам в гости!

– Как только выберусь отсюда, – сказал Найденов.

– Очень грустно, что вы не будете завтра на нашей свадьбе в советском посольстве...

– Ничего! – весело сказал Найденов. – Отгуляем свое, как только встретимся снова. Ну, прощай, старик!

– Прощай, дружище, – твердо произнес Житков. – Уверен, все будет в наилучшем виде.

На следующий день, когда Найденову подали послеполуденные газеты и он раскрыл «Ивнинг Стар», в глаза бросилось имя Житкова, набранное крупным шрифтом. Все запрыгало в глазах. Найденов снова и снова перечитывал заголовок, стараясь убедить себя в том, что неправильно понял английские слова. Но, увы, их смысл был ясен: «Жених, украденный перед венчанием».

Дальше следовали строки, одна другой удивительней:

9.00 – Житков принимает поверенного и утверждает проект брачного договора, присланный старым Гланом.

9.55 – Житков возвращается в свой отель. Принимает ванну. Завтракает. Переодевается.

10.40 – Житков отправляется в «Ритц». После пятиминутного свидания с мисс Элли Глан направляется в советское посольство, где должна состояться церемония бракосочетания.

10.58 – В автомобиле Житков внезапно приказывает шо-

феру остановиться. Он указывает констеблю на человека, переходящего улицу (отмечено: стар, коренаст, необычайно широк в плечах, длинные руки, костюм сидит мешковато, по-старчески волочит ноги).

– Опасный фашист, – говорит Житков констеблю. – Необходимо его задержать.

После некоторого колебания констебль приказывает своему помощнику задержать старика и вернуться к авто.

10.59 – Младший полисмен бежит к старику.

11.00 – Сидящие в автомобиле видят: старик заметил направляющегося к нему полисмена. Посмотрел на автомобиль. Пытается скрыться в толпе. Житков выскакивает из авто и бросается наперерез старику. Констебль спешит следом за Житковым. По-видимому, он получает в этот момент от кого-то подножку, так как падает и, ударившись головой о край тротуара, теряет сознание.

11.12 – Констебль пришел в сознание. Он находится в комнате пансиона миссис Дюдди, куда его принесли прохожие по инициативе пастора, бывшего на улице случайным свидетелем происшествия.

12.05 – Сдача нашего номера в машину. Никаких сведений о Житкове, младшем полисмене и коренастом старике, за которым они бросились.

Случайность или преступление? Житков – жертва собственного темперамента или заранее обдуманного похищения? Не участвует ли здесь рука гестапо?

Найденов отбросил газету, схватил еще сырые листы «Островитянина». Этот профашистский листок хранил молчание о том, по поводу чего кричали чуть не все газеты столицы. Именно это утвердило Найденова в мысли, что вопрос, заданный газетой, – «не участвует ли здесь рука гестапо?» – не пустая догадка.

Найденов потребовал свидания с Кадоганом.

Сюрпризы мистера Кадогана

Старик встретил его стоя, опершись на свой стол. Найденов думал увидеть его мрачным, недовольным. Но Кадоган, напротив, казался совершенно спокойным.

– Теперь вы видите, чего стоят все ваши констебли! – гневно произнес Найденов, едва переступив порог. – Под самым носом у них, в центре Лондона, крадут человека...

– Да, да, это очень неприятно, – сказал Кадоган. Но Найденов не уловил в его тоне огорчения. – Вы выбрали очень удачное время для визита, – продолжал Кадоган. – У меня есть для вас сюрприз.

Он подошел к обитой сукном маленькой двери позади своего стола и распахнул ее. На пороге показался... пастор Зуденшельд. Взгляд его темных глаз с нескрываемой радостью остановился на лице Найденова. Зуденшельд подошел к нему с протянутой рукой.

– То, что вы сделали за меня на острове, – сказал он своим ровным грудным голосом, – заслуживает удивления. – Он почтительно поклонился. – До самой могилы можете считать меня своим неоплатным должником и самым верным слугой.

Найденов крепко пожал ему руку.

– Откровенно говоря, – сказал он, – я был совершенно уверен, что эти бандиты замучили вас... Очень, очень рад

видеть вас живым и, кажется, здоровым.

— Господь не покидает своих верных сынов, — тихо произнес Зуденшельд и застенчиво улыбнулся. — Иногда он совершает для них даже чудеса...

— Думаю, что на этот счет мистер Найденов держится особого мнения, — улыбаясь, сказал Кадоган. — Но могу вас поздравить, мой дорогой мистер Найденов: вы — свободны. Появление мистера Зуденшельда — гарантия вашей безопасности.

— Это известие запоздало ровно на сутки, — грустно произнес Найденов. — Будь я в городе вчера, с моим другом не случилось бы такого несчастья...

— Да, да, это ужасно, — вздохнул Зуденшельд и вопросительно посмотрел на Кадогана, будто ждал, что тот рассеет их сомнения заявлением, что Житков найден.

Кадоган пробормотал что-то невнятное и поспешил подвинуть гостям папиросы:

— Курите, пожалуйста...

— Итак, ваша полиция, как у нас говорят, опростоволосилась, — повторил Найденов.

— Я всегда интересовался вашим языком, — любезно заметил Кадоган. — В нем есть совершенно замечательные словообразования. Например, то, что вы сказали сейчас, по-английски нужно было бы передать так: to get dichevelled! — стать с неприбранной головой.

— Первое, что я сделаю, пользуясь свободой, — посетую

мисс Глан, – сказал Найденов, не реагируя на лингвистические изыскания Кадогана.

Кадоган покачал головой.

– Едва ли это вам удастся... Мне только что передали просьбу норвежского посольства принять меры к розыску мисс Элли Глан.

– И она?..

Кадоган не услышал вопроса.

– Однако, господа, как мне ни приятно... – сказал он и протянул Найденову руку. – Боюсь быть назойливым, но, если вы не хотите тратить время на поиски пристанища, рекомендую недорогой, но вполне корректный пансион миссис Дьюди, совсем недалеко отсюда. Впрочем, может быть, вы предпочитаете большой отель? В таком случае...

– Не беспокойтесь, – холодно ответил Найденов. – Если вас устраивает заведение миссис Дьюди...

Тут он запнулся. Ему показалось знакомым только что произнесенное имя.

«Миссис Дьюди... Миссис Дьюди...» Он потер лоб и вдруг проговорил, обращаясь к Кадогану:

– Мне нужен сегодняшний номер «Ивнинг Стар».

Кадоган протянул ему газету. Пробежав первую полосу, Найденов нашел: «Полисмен находится в комнате пансиона миссис Дьюди, куда его принесли прохожие по инициативе пастора...»

Подняв глаза на Зуденшельда, Найденов понял, что тот

внимательно наблюдал за ним.

Найденков впросительнo глядел на пастора, ожидая ответа на свой безмолвный вопрос, но Зуденшельд молча поклонился и вышел.

Кадоган поднялся из-за стола, давая понять, что свидание окончено.

– Если вам нужен провожатый до пансиона...

– Благодарю вас, – резко ответил Найденков. – Я найду дорогу сам.

Промозглая сырость осеннего Лондона сразу охватила Найденкова. Он поднял воротник пальто и плотней надвинул шляпу: дождь лил как из ведра. Вместо ярко освещенной улицы, которую ожидал увидеть Найденков (он совершенно забыл о затемнении), ему пришлось спускаться прямо в темный провал, откуда несло шипение шин невидимых автомобилей.

О раздвоении личности

Утром, когда Найденов сошел к завтраку в пансионе миссис Дьюди, за столиком с газетами он увидел Зуденшельда.

– Какой приятный сюрприз! – воскликнул он удивленно. – Вы тоже пользуетесь гостеприимством миссис Дьюди?

– Очень рад вас видеть, милый мой двойник, – спокойно произнес пастор. – В гостиницах, даже самых скромных, знаете ли, немного шумно. А нервы у меня еще не совсем в порядке... Мистер Кадоган был так любезен, что подыскал мне этот пансион.

– Тишины здесь хоть отбавляй! Но вот меню...

– На этот счет я нетребователен, – скромно сказал пастор и принялся за свой завтрак.

Найденов заметил, что время от времени Зуденшельд исподлобья вскидывает на него глаза, словно порываясь что-то сказать.

– Вы хотите о чем-то спросить?

– До сих пор не понимаю, – сказал пастор, – как вам удалось уйти с «Клариссы».

– О, простое стечение обстоятельств! – с хорошо разыгранной небрежностью сказал Найденов.

– Говоря откровенно, я не рассчитывал, что вы сумеете вырваться из лап Венсторпа. – Зуденшельд поднял над головой отложенную было газету. – Уже знаете?

– Что именно?

– Полиция нашла кое-что, проливающее свет на тайну исчезновения мистера Житкова и мисс Глан...

Найденов жадно схватил газету с отчетом об аресте некоего Мэрфи.

Найденов ничего не понимал. Подняв взгляд на пастора, он заметил, что тот внимательно следит за впечатлением, какое произведет на Найденова чтение газетного отчета.

– Обошлось ли дело без нашего друга Кадогана? – спросил Зуденшельд. – Как вы думаете?

– Здесь сказано, что на след Мэрфи напала Скотленд-Ярд и она же произвела арест преступника.

– У мистера Кадогана могут быть причины скрывать свое участие в этом деле...

– Возможно. Но это занимает меня гораздо меньше, нежели судьба друга.

– А вот мне внутренний голос говорит именно о том, что нужно как следует порасспросить Кадогана.

Когда они снова встретились за ужином, пастор возобновил разговор.

– Удалось что-нибудь выяснить?

Найденов удивленно взглянул на него.

– Можно подумать, что вас это интересует больше, чем меня!

Глаза пастора, который за минуту до того добродушно улыбался, стали вдруг пытливо-серьезными. Он не спеша за-

крыл книгу и придвинул свое кресло к Найденову.

— Вы угадали, — сказал он, понизив голос. — Судьба Житкова беспокоит вас, как друга... Мне же недостает его, как надежного человека и вашего верного помощника.

— Он никогда не был моим помощником. Напротив: мы всегда работали в областях, почти противоположных.

Зуденшельд кивком головы показал, что он это знает, и продолжал еще тише:

— Вы только летчик, а для того, что вам предстоит, нужно быть и моряком...

— Мне предстоит возвращение на родину. И как можно скорее. Действительно, хотелось бы вернуться вместе с Житковым.

— А вы взяли бы за очень важное поручение, которое можно выполнить попутно?

— Это зависит от характера поручения и от того, кто собирается его мне дать.

— Мои соотечественники обязаны вам уже столь многим... Но все сделанное до сих пор не стоит и десятой доли того, что вы могли бы при желании сделать для норвежского народа.

— Готов сделать очень многое для вашего чудесного народа, но не люблю загадок, дорогой пастор.

— Второй раз в ваши руки попадает тайна величайшей важности. В вашей власти жизнь и судьбы сотен наших людей...

Он выжидательно замолчал, но Найденов тоже хранил молчание. Зуденшельд продолжал:

– Мы боремся и будем бороться. Наши люди – мирные рыбаки и мореходы – непримиримо ненавидят фашизм и фашистов. Не хватает одного: оружия, оружия и еще раз оружия!

– Но чем я могу помочь?..

Зуденшельд не скрывал овладевшего им волнения. Он встал, крупными шагами прошелся по комнате.

– Здесь, в одном из английских портов, имеется большая партия оружия для нас. Судно готово к погрузке. По первому сигналу оно отправится к берегам Норвегии...

– Так дайте этот сигнал!

– Дело не за мной! – Зуденшельд вплотную подошел к Найденову. – Нам не хватает человека, способного взять на себя руководство такой экспедицией. Нордаль? Он прекрасный драчун, но разве можно доверить ему такое дело? Лунд? Я без колебания поручу ему довести судно до любой точки на водных пространствах земного шара, но...

– Не хотите же вы, чтобы я взял это на себя?..

Зуденшельд утвердительно кивнул головой.

– Но почему же именно я? – искренне недоумевал Найденов.

– Если бы здесь был мистер Житков, – то вы и он. А без него – вы один. Только вы, и никто другой!

– Но у меня есть свои дела на родине. К тому же я – ино-

странец.

– Иностранец? – Зуденшельд рассмеялся. – Вы – пастор Сольнес, он же Зуденшельд. Попробуйте уверить кого-нибудь из наших людей, что это не так! Вы же на деле доказали, на что способны.

– Но с вашим появлением все становится на свои места.

– Никто из наших людей не знает, что у вас существует второе «я». Вы для них тот, кем были и кем доказали право быть.

– Вы сами отлично могли бы стать во главе такой экспедиции...

– Если бы мне не нужно было отправиться вперед, чтобы подготовить на берегу приемку оружия. Это дело едва ли менее сложное и опасное, чем самый транспорт. – Гордо подняв голову, он сказал: – И для того и для другого у моих друзей нет иного предводителя, кроме пастора Зуденшельда!

– Чего же вы хотите?

– Чтобы пастор Зуденшельд руководил подготовкой на берегу, находясь в то же время на борту транспорта с оружием. Он должен быть в двух лицах. И каждому из двух его «я» норвежцы должны доверять абсолютно, как верят вам и мне. В каждом из них они должны быть уверены: это Сольнес или Зуденшельд, как хотите.

Слушая пастора, Найденов сосредоточенно думал. Он взвешивал все «за» и «против» этого неожиданного предложения.

– Завтра вы получите мой ответ.

Крепко стиснув ему руку, пастор сказал:

– Понимаю. Вы не можете решить это сами. Но ни минуты не сомневаюсь, что получите согласие...

На следующий день, когда Найденов сошел к завтраку, пастора, по словам миссис Дьюди, уже давно не было дома.

Найденов вызвал по телефону Кадогана и назначил ему свидание.

– Где-нибудь на нейтральной почве, – сказал он. – Мне бы не хотелось приближаться к вашему району.

– Что-нибудь новое?

– Кое-что, – уклончиво ответил Найденов.

После свидания с Кадоганом Найденов немедленно отправился в советское посольство. Там его заверили, что доставка транспорта с оружием в руки норвежских патриотов не противоречила бы интересам советского командования. К тому же, выполнив это задание, Найденов мог рассчитывать без большого труда, при помощи норвежских патриотов, перебраться к своим через линию северного фронта.

Вечером, встретившись за ужином с Зуденшельдом, Найденов дал согласие на его предложение. Пастор крепко пожал ему руку.

– Господь благословит вас за то, что вы делаете для нашего народа. Когда настанет время раскрыть ваше инкогнито, норвежцы будут в вашем лице благословлять вашу великую страну...

Пансион «Вебер»

Улицы Вестена – западной части Берлина, населенной капиталистами и чиновной верхушкой, – всегда отличались чинной тишиной. Теперь же, когда значительная часть населения аристократических кварталов предпочитала жить в загородных виллах, где меньше угрожали английские бомбы, в Вестене стало совсем тихо. Изредка простучат деревянные подошвы горничной, оставленной для охраны господского особняка, да чинно пройдет тяжелыми шагами шупо.

Витему раздражал этот звук, доносившийся с улицы. Он затворил окно.

– Нервочки, дорогой капитан? – с усмешкой заметил Мейнеш, сидя в кресле и посасывая свою старенькую трубку. Ни в голосе, ни в повадках боцмана не было сейчас и тени той почтительности, к какой привыкли все, кто видывал эту пару на палубе любой из «Март». Оба были одеты в штатские костюмы. Тот, что на Мейнеше, был, пожалуй, даже добротней костюма Витемы. А может быть, он казался таким потому, что был строже цветом и покроем, хотя трудно было судить о покрое вещи, надетой на неуклюжее тело Мейнеша.

– По-видимому, даже нам с тобой временами нужен отдых. – Мейнеш взмахнул трубкой, и голубоватый шлейф дыма протянулся вслед за его рукой. – Но об отдыхе, кажется, нужно забыть...

– К сожалению, ты прав. Все, что было здесь, – только прелюдия. Главная игра там, на востоке. Отдыха не видать, пока не будет сломан хребет России. Откровенно говоря, я несколько иначе представлял себе ход событий.

– Блицкриг кончился там, где начинается русская земля, – проворчал Мейнеш, и в тоне его Витема почудилось что-то вроде иронии. – Выходит, что я столько лет таскался за тобой тенью по всем морям и континентам, чтобы присутствовать при том, как рейх зашел в тупик?

– Тупик?!.. Слишком сильно сказано! Немцы возьмут свое. Я предпочитаю бодро смотреть на будущее фирмы, с которой связана моя жизнь. – Витема наполнил себе и Мейнешу рюмки. – Вот единственное, что еще способно скрасить жизнь. Спасибо Франции! Если бы не ее виноградники, мы бы с тобой совсем завяли. А, старина?

Беседа происходила через одиннадцать дней после того, как с одной из лондонских улиц исчез Житков. Витема и Мейнеш сидели в особняке, отгороженном от улицы рядом стройных лип. На решетке палисадника красовалась эмалированная дощечка: «Пансион Вебер». Это было одно из тайных пристанищ агентов германской разведки, которых не следовало подвергать риску случайных встреч в отелях.

Уже несколько дней жили они здесь в ожидании свидания со вновь назначенным высоким начальством – человеком новым для обоих. Собственно говоря, свидания ждал Витема. Мейнеш приехал по его вызову, чтобы доложить о

результатах последней операции – устранении Житкова.

– Уверен ли ты, что с ним покончено? – спросил Витема.

– Я сдал его с рук на руки кому следовало.

– Нужно было проследить за ликвидацией.

– Не мог же я укокошить его посреди Сити... – сердито огрызнулся Мейнеш. – Тебе хотелось, чтобы я рисковал шей из-за этого сопляка?

– Не болтай глупостей, Юстус. Ты – не какой-нибудь Мэрфи. Того мы без лишних сантиментов дали прихлопнуть Кадогану, но вот твоя шея мне слишком дорога, чтобы совать ее в английскую петлю. – Витема нахмурился. – Мне вспомнилось сейчас, как сам я висел на рее «Черного орла». До сих пор под мышками следы от лямок. Ребята что-то не так смастерили. Еще немного, и петля по-настоящему задушила бы меня.

Мейнеш отвел руку с дымящейся трубкой, и его хриплый смех огласил комнату.

– Вот видишь, лучше до конца доверять старым друзьям, и только им, а?

– О чем ты?

– Если бы ты доверил повесить тебя мне самому, то, ей-богу, это было бы сделано чисто.

Витема бросил на приятеля быстрый взгляд.

– Ты сказал это так, что можно подумать, будто накинь мне эту петлю ты, – я наверняка отправился бы к праотцам.

– Может быть, ты и прав. – Мейнеш снова расхохотался. –

Вот загадка-то, а?!

– Слишком много загадок в один день, Юстус, – мрачно проговорил Витема. – А я не очень их люблю, ты знаешь. – И, меняя разговор, спросил: – А ведь неплохо я им насолил, когда взорвал цистерну с соляжкой, а?!

– Да, чистая работа. Эдакой прыти не ждал от повешенного даже я. Кстати, как ты успел продырявить на «Орле» всю спасательную посуду?

– Ага! И для тебя еще существуют на свете загадки! Это сделал тот самый парень, который меня вешал. Я велел ему спрятаться и дожидаться, пока вылезу из петли. Вся посуда кроме маленького катера была приведена в негодность... Видишь: иногда оказывается полезно перестраховаться. Ведь ты-то, мой верный боцман, бежал с «Орла», бросив своего капитана на произвол судьбы. В доброе старое время за это вешали не в фальшивой петле. Знаешь, как я люблю тебя, Юстус. Но, честное слово, я отдал бы сейчас многое, чтобы заглянуть тебе в душу.

– Ну что ж, – пробормотал Мейнеш. – Погляди. – Он распахнул пиджак и сделал вид, будто хочет расстегнуть жилет.

– Что ты думал обо мне, покидая «Орла»?

Мейнеш отвел глаза.

– А небось ты пережил несколько острых минут тогда, в петле, а? – с мрачной иронией проговорил он.

– Да, было... не очень... – Витема нервно повел шеей.

– Зато лондонское дело Житкова – одно из лучших, какие

нам с тобой доводилось проводить, – перевел разговор Мейнеш. – Могу похвастаться.

– Если не считать того, что, собственно говоря, вся эта история с Гланом снова всплыла по твоей вине...

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Мейнеш.

– ...старый-то Глан жив!

– Чепуха! Не может быть! Я сам смайнал его за борт, – уверенно произнес Мейнеш.

– Я тоже не верю в воскресение мертвых, Юстус. И тем не менее – Глан жив.

– Если так, пусть мне не достанется очередной орден.

– Знаю, ты никогда не был честолюбив, но...

– Я... всегда предпочитал наличный расчет. Честное слово, вот эта трубка покойного русского профессора – более реальная награда, чем железный крест.

– Но на этот раз тебе не миновать ордена.

– Заранее уступаю тебе эту честь. Пусть мне лучше дадут ордер на хороший обед – с настоящим мясом, с коровьим маслом и здоровенным куском хлеба.

Раздался телефонный звонок. Витема снял трубку. По мере того как он слушал, оживление сбегало с его лица. Оно превратилось в обычную для него бесстрастную маску.

– Сейчас подойдет авто, – сказал он Мейнешу, кладя трубку, – за мной.

– Зовут?

Витема кивнул головой и допил вино.

– Подожди здесь.

– Если велишь подать еще бутылку.

– Вероятно, я вернусь с важными новостями. Может быть, и на твою долю привезу заслуженную награду...

Важная миссия

Витема сел в автомобиль, не задавая вопросов шоферу, а только бросив быстрый взгляд на номер. Откинувшись на подушку, закурил сигару и равнодушно разглядывал улицы.

Обращало на себя внимание обилие свежевыкрашенных деревянных заборов с вывесками «Строительство нового дома». Они скрывали пустыри – следы воздушных бомбардировок.

Автомобиль остановился у большого жилого дома. По обеим сторонам подъезда красовались таблички с именами врачей и адвокатов. Поднявшись на третий этаж, Витема остановился перед квартирой зубного врача. Дверь распахнулась, едва он успел нажать кнопку звонка. Перед капитаном стоял верзила с тяжелой нижней челюстью. Маленькие глазки испытующе уставились на гостя.

– Кого вам? – грубо спросил верзила.

– Доктора Заурера.

– А! Что вам нужно?

– Сменить коронку.

– Какого зуба?

– Третий левый сверху.

– У доктора нет золота.

– Я принес свое.

– Не всякое золото годится.

– Французский луидор должен подойти...

Верзила вслушивался в каждое слово. Критически оглядев Витему, он пропустил его в приемную.

– Ждите, – буркнул он и исчез.

Витема огляделся. Приемная доктора Заурера ничем не отличалась от приемных тысячи других дантистов.

«Однако начальник заставляет себя ждать», – с неудовольствием подумал Витема, но тут за его спиной раздался голос того же верзилы:

– Доктор ждет вас.

Витема вошел в кабинет. Шторы на окнах были опущены. Единственная лампа, стоящая на столе, бросала свет так, что освещала только кресло, предназначенное для посетителя. Сам хозяин оставался в полумраке по другую сторону стола. Однако это не помешало Витеме узнать его: группенфюрер Фюрстенберг – правая рука Гиммлера по части самых темных дел.

– Рад видеть вас здоровым и, кажется... бодрым, – ворчливо проговорил Фюрстенберг голосом, который вовсе не соответствовал смыслу его слов.

Витема насторожился.

– Прежде всего, хотелось бы выслушать от вас самого, что вам удалось сделать.

Витема кратко перечислил главные операции: похищен Бураго вместе с его расчетами; разрушен союзнический план овладения островом Туманов; Житков убран раз и навсегда.

гда...

– Без ложной скромности могу сказать, – закончил Витема, – задания выполнены чисто.

– Кто был вашим непосредственным помощником в этих операциях?

– Юстус Мейнеш. Он заслужил высшую награду. Прежнее руководство отделялось денежными поощрениями. Но старик не корыстолюбив. Настало время отметить его заслуги.

– Что вы имеете в виду?

– Рыцарский крест...

– Простому матросу?! – в удивлении воскликнул Фюрстенберг.

– Этот матрос выигрывал сражения более важные, нежели многие адмиралы. Хотя плоды его побед, как и самые битвы, оставались невидимыми...

– Вы так высоко его цените?

– Не ниже, чем самого себя.

– А истинную цену себе вы знаете?

– Никогда не страдал ложной скромностью.

Фюрстенберг исподлобья посмотрел на собеседника.

– Это хорошо... это очень хорошо... – пробормотал он. – А скажите мне, Вольф... какова конечная цель вашей жизни?

– Величие Германии, господин группенфюрер.

– А более конкретно: так сказать, в личном плане?

– Если мне удастся обратить в реальные ценности то, что лежит на моем текущем счету, прежде чем война обратит деньги в мыльный пузырь, я буду удовлетворен.

– Скромно.

– Я не жаден: шесть нулей меня всегда устраивали.

– А какова цель вашего Мейнеша?

– Он еще скромней. Маленький домик на берегу моря и возможность разводить розы – вот его мечта.

– Поэт в душе?

– Несколько своеобразный, господин группенфюрер. Любовь к розам он совмещает с довольно реальными представлениями о прозаической стороне жизни.

– Так, так... А что бы вы сказали, если бы для начала ваш текущий счет был конфискован?

Витема резко выпрямился. Голос Фюрстенберга перешел в злобное рычание:

– Начнем в том же порядке, как вы излагали свои успехи. Бумаги Бураго без него самого стоят не больше вот этого чистого блокнота. Их некому расшифровать.

– Я полагал, что у немецких ученых лучшие мозги...

– Не прикидывайтесь простаком, Вольф! Вы повели дело так, что сам Бураго – труп; ни одного из его помощников у вас нет. И это вы называете успехом?

– Моя задача – дать вам точную копию его расчетов. Остальное – дело физиков. Не в моих силах разъяснить им то, чего они не понимают. Я не ученый...

– Если бы вы что-нибудь понимали в физике, то от вашей самоуверенности не осталось бы и следа... А дело этого простака Найденова и его изобретение?! Не вам ли было поручено перехватить его еще тогда, когда он был здесь, когда война не так мешала работе, когда грудные дети могли заниматься диверсиями? А что сделали вы?! Упустили его на «Клариссе» из-за какого-то наивного маскарада.

– Я не виноват в том, что ваши работники никуда не годятся. На одну доску с нами вы ставите таких, как Майерс, которому нельзя даже открыть истинного смысла поручения. А результат? Ему удалось заманить Найденова на остров, но когда мы наконец узнали об этом, Найденов уже сделал почти все, зачем туда явился...

По мере того как шла беседа, обида на лице капитана сменялась выражением несвойственной ему растерянности. Фюрстенберг рычал все более гневно:

– Переходим к острову Туманов. В чьих он руках? Я вас спрашиваю: кто хозяйничает там? Союзники! Это и есть ваш успех?

– Я не отвечаю за бездарность людей, не сумевших удержать то, что я поднес им на блюде.

– Но вы отвечаете за то, что дали старому колпаку Фальку обмануть себя. Он свел на нет все наши усилия в подготовке бактериологической войны. Это вы тоже называете своей победой? Дальше: Житков!

– Он убран.

– Вы уверены?

– Как в том, что вижу вас.

– А если я скажу, что похищением Житкова, осуществленным ценой провала ряда наших людей, в действительности руководила чужая контрразведка?

– Житков был взят нами и нами же уничтожен, – упрямо повторил Витема.

– Не могу понять, Вольф, откуда пошла ваша слава перwokлассного агента? Вас водят за нос, как слепого котенка. Щелчок получили мы, а не вражеская разведка. Житков был спрятан ею! Теперь он у себя на родине.

Витема отер вспотевший лоб.

– Не будь я уверен в том, что вы одурачены, я заподозрил бы вас в двойной игре! – грубо выкрикнул Фюрстенберг. – И если бы за вас не заступились ваши прежние начальники, я попросту уничтожил бы вас, Вольф. Теперь вы понимаете, что конфискация вашего капитала – первая мера?

– Но это – плод всей жизни...

– Зачем он вам, если и сама ваша жизнь под вопросом? – Фюрстенберг издевательски усмехнулся. – Вы должны реабилитировать себя. Вы отправитесь в Эйре. Свяжетесь там с нашим послом. Вас переправят в Англию. Там готовят отправку в Норвегию большой партии оружия, предназначенного партизанам. Экспедиция должна собрать около себя наиболее активные силы норвежской эмиграции. К ней привлечен русский, Найденов. «Пастор» Зуденшельд отправит-

ся в Норвегию для приемки оружия. Его вы уберете немедленно. За ним – очередь Найденова. На этот раз Найденов должен быть взят. Если вы его упустите... – Фюрстенберг сделал выразительный жест, от которого Витеме стало не по себе. – Теперь вторая задача: уничтожить Житкова.

Губы Витемы двигались так, словно их сводило холодом:

– Недалек день, когда вы сами пожелаете снять арест с моего счета.

– Если вы вернетесь с победой, сумма счета будет удвоенная. Если нет... То, что я нашел время для этого разговора, должно убедить вас: мне не до шуток.

– Польщен вашим вниманием... – пробормотал Витема, и ему показалось, что это прозвучало насмешливо.

Он вышел из кабинета сгорбившись. Но, покидая квартиру дантиста, снова зашагал с обычной выправкой. Шел легко, уверенно. Лицо его было непроницаемо. Глаза скользнули по физиономии звероподобного слуги. «Вот такой, как этот, всадит мне пулю в затылок», – подумал он и с невольной поспешностью захлопнул за собою дверь.

Глава третья. В ловушке

Пастор Зуденшельд отправляется в путь

Как всегда после обеда, который в пансионе миссис Дьюди подавали ровно в восемь, пастор перешел к столику с газетами и углубился в вечерние издания. Дождавшись, когда Найденов покончил с сыром, Зуденшельд отбросил газету и дружески положил руку на колено летчика.

– Итак, мой друг, – сказал он, – сегодня последний вечер, что мы проводим вместе.

– Уже уезжаете?

– Нет еще, но осторожность требует, чтобы мы не встречались с того момента, как вы приступите к подготовке экспедиции. Мы должны отплыть от берегов Англии в разное время, из разных пунктов, в различных направлениях. Чтобы никому и в голову не пришли, что мы идем в одно место.

– Но ведь нужно сговориться о месте встречи, об условных сигналах.

– Люди, которые будут руководить вашей отправкой, дадут точнейшие инструкции. Я верю: мы свидимся на берегах моей родины. – Зуденшельд взял руку Найденова и тихо за-

смеялся. – Пастор Сольнес!

– Как бы нам не запутаться, кто из нас настоящий!

Зуденшельд подошел к столу и выбрал бутылку вина. Внимательно прочел этикетку, посмотрел вино на свет. Темно-красный, почти коричневый блик упал ему на лицо.

– Англичане, кажется, предпочитают портвейн, а по мне, если уж нарушать обет трезвости, то только ради этого благороднейшего из вин! – Пастор высоко поднял рюмку и стал медленно наполнять ее густой маслянистой жидкостью. – Честное слово, боги на Олимпе наверняка пили именно малагу! – Он понюхал вино и с наслаждением пригубил. – Ну что же, Найденов, за счастливое плавание?!

– И за счастье плавающих!

– Да благословит Всевышний ваш корабль! – Зуденшельд медленно осушил рюмку. – И вас, мой дорогой друг!

– Автомобиль ждет вас, сэр, – раздался в дверях голос горничной.

Пастор поставил рюмку. Они пожали друг другу руки. Через несколько минут с маленьким глобтроттером в руке Зуденшельд сел в такси. Горничная, затворявшая за ним дверцу автомобиля, внимательно прислушивалась к тому, какой адрес назовет Зуденшельд шоферу. Но он только коротко бросил:

– Прямо!

Такси исчезло в темном провале улицы.

Отъехав на некоторое расстояние от пансиона, пастор

приказал:

– Вокзал Ватерлоо.

У вокзала он отпустил такси и смешался с толпой у затемненного подъезда. Однако он не направился ни к кассам, ни на перрон, а пошел прямо в уборную. Через несколько минут из кабины, где заперся пастор в темном пальто и черной шляпе, вышел человек в светлом макинтоше и мягком дорожном кепи. В полумраке освещенного синими лампочками помещения сторож не обратил внимания на это превращение.

Вскоре другой таксомотор вез Зуденшельда к вокзалу Юстон, где пастор взял билет до Ярмута, куда и приехал на расвете.

Приморский городок встретил его дождем и слякотью, ничуть не уступающими лондонским. Но это мало смущало пастора. Уверенность, с которой он пустился в путь по узким улочкам города, говорила о том, что место ему знакомо. Городок только просыпался. Прохожих было мало. Пастор постучал в дверь еще запертой парикмахерской. На окрик из-за двери он ответил паролем и был немедленно впущен.

– Мне нужно видеть капитана, – не здороваясь, сказал Зуденшельд парикмахеру, зябко кутавшемуся в пижаму.

Парикмахер снял телефонную трубку и вызвал гостиницу «Золотой якорь». Прошло несколько минут, прежде чем к телефону подошел капитан Шоу.

– О, сэр, – сказал парикмахер в трубку, – мне очень жаль,

но я не смогу сегодня прийти побрить вас. Да, серьезные причины, сэр. У меня грипп, сэр. Да, сэр, я побрею вас здесь. Только прошу вас поторопиться, сэр.

Парикмахер положил трубку.

– Сейчас он будет здесь.

Зуденшельд кивнул и жадно закурил. Парикмахер ушел в заднюю комнату и через несколько минут вернулся одетый.

– Позвольте побрить вас? – спросил он, зажигая газ под кипятильником.

Зуденшельд, погружившийся в задумчивость, вздрогнул от неожиданного вопроса.

– Что вы сказали?

– Я хочу вас побрить.

Зуденшельд посмотрел на себя в зеркало.

– Я сделаю это в другом месте.

Парикмахер ухмыльнулся:

– Выйти отсюда небритым? Это было бы неосторожно.

– В таком случае приготовьте все, что нужно. Я побреюсь сам.

– Как хотите... – Парикмахер приготовил прибор. – Только, пожалуйста, поскорей, а то мне пора открывать мастерскую.

– Так открывайте, я вам не мешаю.

– Чтобы кто-нибудь вошел и увидел, что мои клиенты бреются сами?

...Зуденшельд закончил бритье и стоял, склонившись над

умывальнойником, когда дверь отворилась и в парикмахерскую вошел коренастый мужчина средних лет. По виду это мог быть матрос или машинист торгового парохода.

– Здорово, Эванс! – хриплым голосом проговорил он.

– Доброе утро, мистер Холт! – ответил парикмахер.

– Побреемся, а? – и Холт провел по щеке рукой. Неопрятная щетина издала звук, какой можно слышать, когда чистят скребницей лошадь.

Парикмахер поймал сердитый взгляд Зуденшельда.

– Мне очень жаль, мистер Холт, но вам придется долго ждать.

– Не беда, – флегматично пробормотал посетитель, собираясь повесить шляпу на крючок.

– После этого господина я буду брить еще капитана.

Холт огляделся, отыскивая того, о ком шла речь.

– Он сейчас придет, – пояснил Эванс.

– Что за капитан?

– Приезжий. Он еще вчера заказал бритье на восемь.

Холт неохотно надел шляпу.

– Что ж, пойду к Джонсу. Это будет мне стоить на полпенса дороже, а?

– Разок можно и переплатить, мистер Холт.

– В следующий раз я удержу эти полпенса с вас, Эванс, а?

– Идет!

Холт поднял воротник и, недовольно посмотрев на пастора, вышел.

– Кто это? – спросил Зуденшельд. – Мне знакомо его лицо.

– Едва ли, – сказал Эванс. – Это местный житель. Маши-
нист из порта.

– Он ехал вчера из Лондона в одном поезде со мной.

– Вы обознались.

– Вы можете это проверить? – в голосе Зуденшельда зву-
чало беспокойство.

Эванс пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.